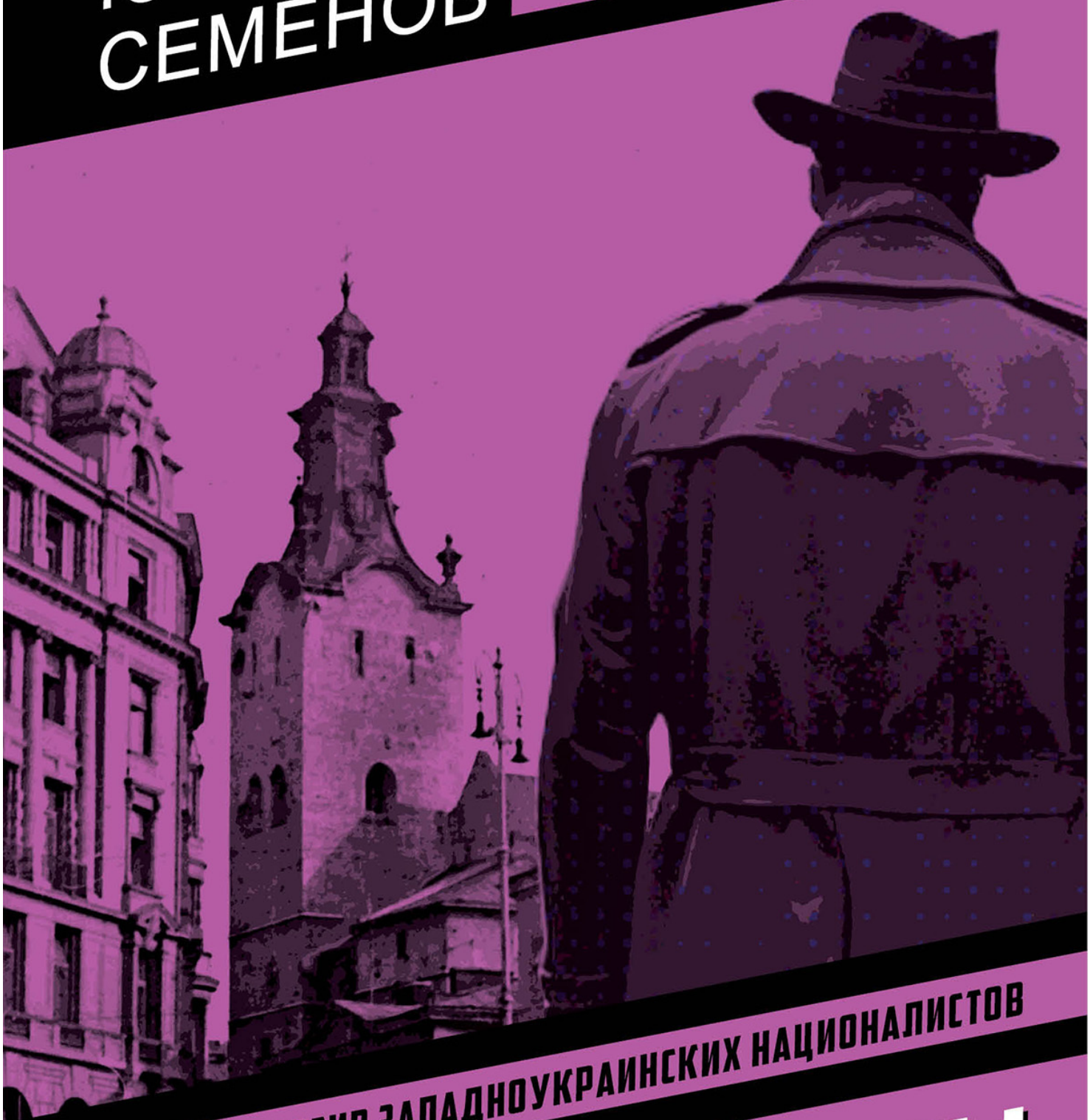
ЮРИЙ СЕМЕНОВ



ЧЕКИСТЫ ПРОТИВ ЗАПАДНОУКРАИНСКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ

КОНЕЦ «ЧЕРНОЙ ТРОПЫ»

ТАЙНЫЙ ФРОНТ

Тайный фронт

Юрий Семенов

Конец «черной тропы»

«Алисторус»
1987

УДК 82-312.4:355-40
ББК 84стд1-445.7:68.23-2

Семенов Ю. И.

Конец «черной тропы» / Ю. И. Семенов — «Алисторус», 1987 — (Тайный фронт)

ISBN 978-5-00269-292-7

В романе известного писателя Юрия Семенова (1924–2001) рассказывается о героической борьбе наших контрразведчиков с бандеровцами-оуновцами в первые послевоенные годы в западных областях Украины. Организация украинских националистов (запрещена в России как экстремистская организация) была хорошо законспирирована, имела четкую военную структуру. В отряд бандеровцев в 1947 году заброшен по легенде сотрудник государственной безопасности. Суровую проверку учиняет ему «беспека» националистов. Но чекист выдерживает все и, продвигаясь по службе, оказывается у главарей националистического движения. Роман был издан в 1987 году издательством «Донбасс» (г. Донецк) и больше не переиздавался.

УДК 82-312.4:355-40
ББК 84стд1-445.7:68.23-2

ISBN 978-5-00269-292-7

© Семенов Ю. И., 1987
© Алисторус, 1987

Содержание

Часть первая 6
1 6
2 7
3 11
4 13
5 16
6 19
7 22
8 24
9 25
10 30
11 34
12 37
13 39
14 45
15 48
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Юрий Иванович Семёнов
Конец «черной тропы»

© Семенов Ю. И., правообладатели, 2026
© ООО «Издательство Родина», 2026

Часть первая

1

Случайный взгляд Василия Васильевича на проходившую мимо немолодую женщину заставил ту вздрогнуть. Ее состояние каким-то образом передалось Киричуку. Он замедлил шаг, оглянулся. Мгновение они смотрели друг на друга.

– Василий Васильевич?! – глуховато, с оттенком удивления в голосе произнесла женщина. – Вы ли?..

Давние теперь уже, по истечении почти сорока лет, но памятные события, происшедшие не здесь, в Донецке, а на Волыни, где ему довелось работать в конце сороковых годов заместителем начальника управления госбезопасности, возникли в сознании Киричука.

Во встреченной женщине он узнал бывшую оуновскую пособницу Марию Сорочинскую.

Сложно когда-то переплелись их пути…

2

Конец февраля сорок седьмого года в Волынской области стоял небывало снежным: за последние три дня, к удивлению старожилов, пушистые белые хлопья непрерывно падали и падали, засыпая села, поля и леса.

Величественный, первозданный покой царил в лесу. Особенно на этом березовом островке среди редких широкоствольных дубов с раскидистой отяжелевшей кроной. Казалось, слегка коснись могучего ствола, и он тут же сбросит с ветвей кипенно-белое убранство.

Именно об этом – сбросит! – прежде всего подумал Иван Гринько – он же надрайонный проводник ОУН по кличке Зубр, высунувшись поутру из квадратного лаза схрона и оглядываясь вокруг.

Стоит пришедшему связнику неосторожно коснуться припорошенных деревьев, и любой проезжий сразу поймет, что к чему. Жди тогда обкладки чекистами или «ястребками». От одной этой мысли сжались кулаки, отросшие ногти до боли впились в ладони. Зубру вовсе не хотелось ни покидать вместе с Дмитром и Алексой их последнее перед «черной тропой» убежище, где еще не успел после болезни набраться сил, ни уж, тем более, погибать.

Присев, Гринько протиснулся в узкий мерзлый проход и на четвереньках проник за дверцу. В прихожке-подсобке было свободнее, тут можно встать во весь рост. В жилом отсеке с приходом Сороки стало тесно. Сейчас тот сидел на полу возле небольшого, наподобие табурета с высокими ножками, стола, развлекая лежащих на широких нарах охранников Зубра Дмитра и Алексу:

– …А толстая мне говорит: «Я вечером думала, приласкаешься ко мне».

Вошедший Гринько жестко посмотрел на Сороку, гаркнул:

– Хватит баб словами щупать!

Сорока вскинул к плечу открытую ладонь в знак «молчу!», при этом желваки на его скулах мгновенно собрались, напряглись, выдав истинное отношение связника к замечанию.

Тут же сошла улыбка и с тощего лица костлявого Дмитра, прикрыл глаза пухленький подросток Алекса, еще не познавший девичьего поцелуя, но уже погубивший не одну человеческую жизнь.

– О Марии дозволяю рассказать, – смилостивился Гринько. – К жене брата своего не присмолился, надо думать? Тогда б Микола кишки твои на энкавэдэшном заборе развесил, не приполз бы сюда.

Петро свел густые, подбритые поверху брови, от неожиданности соображая, что от него требуется. А потом ошарашил новостью:

– Заборчик-то, друже Зубр, сменился. Неужто Мария Опанасовна не известила в тех бумагах, которые принес?

– Как – сменился? – Гринько отодвинул коптилку и взял со стола скрученные в трубочку донесения. – Ты отвечай, – когда спрашиваю.

– Так и сменился. С голубого на зеленый. Был энкавэдэшный, стал эмгэбэшный. С эмгэбэ нам теперь предстоит дело иметь. Тесная будет дружба, черт бы их побрал.

– Не будет! Запел… – склонился над привезенными Сорокой бумагами Гринько, сразу отыскав заинтересовавшую его подробность. «В областном управлении МТБ появились два новых работника, их изучаем». «В Теремновском районе чекисты провели в Лыщенском лесу операцию против одной из боевок. Вожак вместе с пятью братами погиб».

Гринько даже вскочил от удручающей новости на ноги, ему захотелось бежать куда глаза глядят. А тут еще Сорока, не ведая о возникших у надрайонного проводника тревожных мыслях, порассуждал вслух:

– Боголюбы проезжал, много военных там видел, грузовых машин. Дальше хода нет, вроде как застряли.

– Куда хода нет? – дернулся к нему Гринько. – Почему не выяснил?

– Да их повсюду понаехало, военных-то, не мне же считать.

– А с чего ты решил, что эти, в Боголюбах, застряли? – забеспокоился Гринько.

– Топчутся без дела, не квартируются, походная кухня дымит.

Гринько простуженно прокашлялся, хрипловато бросил:

– Была бы у меня должность «директора паники», я бы тебе ее пришпилил. Хотя сорока – птица тоже вредная, ты идешь, а она будто знает, куда путь держишь, наперед залетает и орет на всю округу.

– К чему это вы мне, друже Зубр? – явно обиделся связной.

– Да ты не обижайся, друже Сорока, я ж шуткую. Хотя давай кличку твою заменим, не нравится она мне.

– Меня в детстве Сорокой дразнили.

– Тем более, напорешься на знакомого. Кто же созвучно своей фамилии Сорочинский выбирает псевдо? Давай, мы тебя Барометром будем звать.

– Это в честь чего именно Барометром? – насторожился связник.

Гринько хмыкнул:

– Плохую погоду всегда предсказываешь.

На нарах засмеялись. Заугрюмившийся Зубр прикрикнул на Алексу:

– Развеселился, пустая твоя макитра! Есть хочу!

Парень мигом оказался в подсобке, стало слышно, как он заширкал ножом об нож.

– Что же передать Марии, то бишь Артистке? – спросил Сорока, не привыкший, да и не любивший величать Марью, жену брата, по псевдониму. Он уже разок получил замечание Гринько на этот счет. Да и то сказать, псевдоним у нее – ни дать ни взять. В этом Сорока убеждался не раз, порой дивясь и не различая, где Мария сама по себе, а где играет роль, причем с наслаждением, проявляя при этом поразительную смышленость.

– Подумать надо, – уклонился от ответа Гринько. Но после паузы порассуждал вслух: – За войсковыми кухнями день и ночь надо следить, они скорей выдадут намерения… И за чекистами – само собой.

Поел Гринько одно сало с размоченным сухарем. Жевал скучно, лениво. А потом лег на нары, сказал ворчливо:

– Всю ночь не спал. Под утро лишь вздремнул, чекисты приснились.

Прилег и Сорока. Но спать не хотелось, душу терзала обида от испытанного здесь унижения. Захотелось побыстрее уйти из этого склепа. Взгляд его остановился на преспокойно игравших в карты Дмитре и Алексе, подумалось как-то без начала: «…ждут весны, а весной подцепят пулю в лоб. А то и раньше… Да что я в самом деле такое предсказываю?»

Когда Сорока проснулся, Зубр, к его удивлению, уже стоял в полупальто и черной папахе.

– Сиди тут, Сорока, до «черной тропы», дальнейшие указания пришлю с Дмитром, – распорядился тот.

…Снегопад, кругом тихо, покойно. Гринько умышленно вышел несколько пораньше, чтобы, не спеша, переправиться к дороге и вовремя успеть к подходу лошади. Он ловко взобрался по жердине на оголившееся от снега дерево, чтобы не оставить следов рядом с лазом, и подал знак Дмитру.

И тут зло взяло связного Сороку. «Трус ты, – мысленно закричал он вслед Гринько, – а еще Зубром называешься. И зачем я тебе об этих войсках рассказал? Вот ты чего испугался, как бы сюда не нагрянули… У-у, так бы и всадил пулю в твою бычью шею!»

3

Самолет качнулся, пошел на снижение. Генерал-майор Поперека, посмотрев в иллюминатор, сказал вдруг:

– Зима дает отдых и возвращает молодость!

И на вопросительный взгляд Киричука добавил:

– А для бандитов в схронах зима губительна, после нее они как истощавшие вконец клопы. Однако с двух-трех заходов их не изведешь…

Вон о чем он, Михаил Степанович, понял Киричук, несколько удивившись тому, что заместитель министра госбезопасности республики определенно не знает, с какого захода можно окончательно покончить с оуновцами. Так он и сказал Попереке.

– Прыткий какой! – отозвался тот. – Не возражаю, если конкретно скажешь, сколько тебе нужно сделать заходов, чтобы доложить, что с оуновскими бандами в Волынской области покончено. – И тут же перешел на официальный тон: – Ориентирую на борьбу серьезную.

…Между тем из приземлившегося самолета выбросили металлическую лесенку, и первым по ней, пригибаясь, сошел могуче сложенный Поперека. Следом за ним появился Киричук. Высокий, подтянутый, он легко спрыгнул на землю, устремился навстречу начальнику управления МГБ по Волынской области Исаенко.

– Получается, Иван Афанасьевич, что я не только поддержал просьбу назначить прежнего твоего сослуживца подполковника Киричука заместителем начальника управления, но и самолично доставил его, – улыбнулся Поперека. – Однако не будем терять времени. Нужно потолковать об обстановке и наших задачах перед открытием «черной тропы» оуновцев, когда сойдет снег с полей и они активизируют свои действия. Едем к вам скорее…

– Мы уже опередили бандитов, погромили их немного, – продолжил разговор Исаенко уже у себя в кабинете.

– Вот-вот, немного, – прервал его Поперека. – Нельзя по сомнительным данным бросать силы на прочесывание леса, чтобы в результате натолкнуться на несколько затаившихся бандитов. Прежде всего нужно использовать оперативные возможности; а уж по ходу дела, если возникнет необходимость, применить прочесывание. На народ следует крепче опираться! Население давно поняло, что из себя представляют украинские националисты, узнало их как пособников и верных холуев гитлеровских оккупантов, как палачей. Мы должны нанести решительный удар по бандоподполью, вернее его остаткам на Волыни. Предстоит оперативно установить действующих проводников – как они именуют главарей бандитских групп, дислокацию и численность банд, выявить связных, эсбистов, ведающих у них службой безопасности, и добиться, как этого требует партия, полной ликвидации оуновского бандитизма. Здесь надо на все сто с гарантией разработать операцию и сыграть «с кровью без крови, истерику без слез», – машинально произнес Михаил Степанович Поперека поговорку давнего своего друга-чекиста и вдруг воскликнул:

– Постойте, постойте! Так это же Антон Сухарь голос подает, в привычное ему дело просится. Как же это я не вспомнил его сразу? Вот кто для этой цели может подойти. Хотя вы, я уверен, и здесь найдете толковых работников, способных справиться с таким сложным делом, но все-таки… Закажи-ка, Иван Афанасьевич, по срочному Полтаву, пусть позовут к аппарату капитана Сухаря.

Исаенко снял телефонную трубку.

А Михаилу Степановичу уже не сиделось. Заложив руки за спину, он грузно шагал по кабинету, рассказывая:

– Мы с Антоном Тимофеевичем перед войной такую чистую операцию внедрения провели, что он чуть ли не вплотную приблизился к верхушке ОУН. Его уже послали учиться в

немецкую разведшколу под Грубешовом в Польше, да война сбила планы. Не слишком громких, но приметных удач добился тогда Сухарь.

Киричук вставил:

– Выходит, представляется возможность, имея опыт и, так сказать, оуновское прошлое, проникнуть к бандитским верхам.

Раздался глухой сигнал телефонного аппарата. Генерал снял трубку, густо произнес:

– Здравствуй, капитан! Узнал, что ли? Почему у тебя голос сиплый? Я же говорил, береги горло, а то сердце расшатаешь этой ангиной. Тебе ведь на новом месте работы с нею никак нельзя. Как, на каком новом? Я разве не сказал? Вольноопределяющимся хочу тебя сделать. Не возражаешь? Ты не забыл школу абвера под Грубешовом? В ряды «самостийников» надо вернуться. На верхотуру твой выход. Через три дня жду в Киеве. Работать начнешь на территории Волынской области. Больше ничего не скажу, потому что операцию надо еще разработать. Вместе над ней поразмышляем, у нас так надежнее выходит. Правильно говорю? Кстати, твой дядька лесник жив? Он все там же работает? Сухарь его фамилия, не ошибаюсь? Да, встречался я с ним… Ну вот, Антон Тимофеевич, опять мы с тобой на прежние довоенные места шагнем. До скорой встречи!

4

Неказистая лохмоногая лошаденка без понукания бежала довольно шустро, как будто понимала, что тем, кто в санях, оставаться на виду небезопасно.

Яростно ненавидел Гринько советскую власть, которая лишила его мельницы да пяти гектаров земли, на которых сезонно работало полдюжины батраков.

Назначение надрайонным проводником – главарем банд в прилуцкой округе – еще усугубило эту ненависть оуновца. Гринько сразу же сменил былую кличку Волкодав на Зубр, вложив в последнюю определенный смысл.

Поглядывая на засыпанную снегом дорогу в Садовском лесу, он с успокоением думал о том, что скоро окажется в теплом жилье. Хорошо бы еще отведать наваристого борща, который умела готовить Явдоха, жена Яшки Бибы, Сморчка, под домом которого на окраине города – просторный схрон для крайнего случая.

Гринько поймал себя на мысли, что о чем бы он не думал, каждый раз на его пути вставала Мария Сорочинская, Артистка.

Подъехав к окраине Луцка, Гринько вдруг спрыгнул с саней, пошел рядом.

– Слазь-ка и ты, Дмитро-мурло, – бросил он, – сейчас у развилки свернем, так неприметней будет. А ты возвращайся, – махнул вознице.

Парень стеганул коня, и вскоре стихли и легкий храп лошади, и скрип полозьев. Только слышались торопливые шаги двоих, входящих в город.

Гринько теперь занимало одно: дома ли Яшка с Явдохой и все ли у них ладно? Об этом узнает охранник, а сам он переждет за сараем в соседнем дворе.

Дмитро же будто пробудился от обидного обращения «Дмитро-мурло», напомнившего ему неприятные моменты в отношениях с хозяином. Семнадцатилетним пошел он в батраки к старшему Гринько. В тот год и обозвал Иван Гринько нового работника мурлом. Сразу же невзлюбив парня за то, что тот был и ростом повыше, и на лицо попривлекательнее. А мурло и рыло больше подходили хозяйскому сыну, этому кривоногому недорослику с глубоко запавшими глазами, а сейчас еще обросшему и немытому.

Дмитро никогда политикой не интересовался. Жил одной заботой: как помочь парализованной матери. И когда та умерла, Иван Гринько одолжил денег на похороны, окончательно привязав к себе бывшего батрака. Хозяин без стеснения называл его холуем, зная, что Дмитро стерпит. И тот терпел, полагая, что деваться ему некуда: либо смерть, либо тюрьма. А душа противилась и тому, и другому. Поэтому любое приказание главаря выполнял с услужливым рвением, как и Алекса, насильно уведенный Зубром в лес.

Вот и сейчас, когда тот сказал: «Иди к Яшкиному дому, если все в порядке, мигни светом в окне», – бросился исполнять поручение.

Уйдя к сараям и оглядевшись, Гринько с сонным видом таращил запавшие глаза на кухонное окно, только на скулах вздрагивали тугие желваки.

Свет в кухонном окне все не мигал. Но вдруг на крыльцо вышел худенький, с трудом узнаваемый в темноте Яшка, спустился к уложенным в штабель у сарая дровам и тихо сказал в темноту:

– Я готов, пошли в хату.

Явдоха, увидев Зубра, всплеснула руками, что должно было означать: слава богу, живой, и я рада, будь как дома. Накрывая на стол, она словно плыла по комнате и была похожа на крупную свеклу хвостиком кверху – собранные на темени в узел волосы торчали кисточкой.

– Яков Фролыч, присядь-ка возле, – за руку притянул к себе хозяина Гринько и, взяв из его рук граненый штоф, налил три рюмки. Никому не предлагая, выплеснул из одной самогонку себе в рот, забил его ржаным хлебом, с нетерпением изголодавшегося начал жевать.

– Все ли ладно? – спросил наконец. Потом, заметив, что Яшка и Дмитро не решаются взяться за рюмки, предложил, как приказал: – Пейте, чего скривомордились.

– Происшествиев особых нет, но и чтобы все ладно, не скажешь, – подцепив корявыми пальцами кусок огурца из тарелки, начал вступительную информацию Яшка Биба. Он всегда говорил обобщенно противоречиво, даже если все обстояло благополучно. К примеру, связной сходил, куда надо, передал, что надо, принял для вручения информацию, вернулся и отдал «грипс», из чего следовало, что задание выполнено. Яшка же вместо двух ясных слов подпустит боязливого туманцу, простое дело превратит чуть ли не в происшествие с геройским исходом.

Зная эту слабость Бибы, Гринько спешно спросил:

– Какие же «не особые происшествия» и что «не ладно»? Ты конкретнее давай, не тяни.

– Ну где же ладно, когда Артистка на базаре бабу побила, а ее мужику двухведерную кадку с остатками капусты на голову напялила.

– Может, за дело? – слегка улыбнулся Зубр, но поправился: – Незачем, конечно, к себе внимание привлекать! Ну а мужик что?

– Милицейскую свистульку в зубы и давай свиристеть, на подмогу звать.

– Совсем плохо, – хмурясь, круто качнул головой Гринько.

– Это еще не совсем погано, – подзадорил Яков. – Марья, то есть Артистка, ну так и есть артистка заслуженна, такую спектаклю разыграла на людях, за нее боязно. Куда умная дура полезла, сидела бы себе в тенечке. Серьезным делом порученным орудует, к чему ей эта физзарядка?

– Что за спектакль, куда ты разговор уводишь? – одернул Гринько.

Биба выпучил глаза – чего тут непонятного? – ответил:

– Свисток вырвала у мужика, уцепила верзилу за отвороты шинели да так рванула вниз, двумя полосами разодрала края бортов донизу. Тут два милиционера прибежали, обхватить Марью хотели, сдержать, но не можут, она одному локтем в грудь, тот кубарем… Народ хохочет, потехой исходит, сгрудился, тут Марья-то и утекла. Вот чего ей теперь за это дело будет?

– Ничего не будет, – зло бросил Гринько. – На вид себя выставила. Сова в городе?

– Тут он, под тобой, в схроне. Позвать, что ли? – поднялся Биба.

– Сам спущусь к нему, – усадил того на табурет Гринько. Он обрадовался, что сможет повидать своего эсбиста Сову и узнать от него побольше информации. Выпив еще рюмку, приказал Якову: – Артистку мне до завтрашнего утра доставь. Да чтоб без ее Миколы, пусть не болтается тут возле дома. Сам присмотришь. А теперь проводи нас с Дмитром в подпол.

…Просторный схрон под сенями и сараем Бибы Гринько считал самым уютным. Сюда затащили даже кровать. А главное, тут имелась отличная вентиляция одним каналом в угол сарая, а другим – пошире – в колодец: проход на случай опасности. Ну и, конечно, лаз – вход из сеней, надежно скрытый, снабженный лестницей.

«Тут, пожалуй, и Марья пролезет», – подумал Гринько.

Яков зажег семилинейную лампу, и Гринько увидел на койке спящего в телогрейке и сапогах Сову. На столе стояла бутылка с остатком самогонки.

– Нажрался, скот… Зачем, Яков, дал? – напустился надрайонный на Бибу.

– Так Сова же с собой принес, бутылка не моя, – оправдывался тот, раскрывая шкафчик. – Моя вот, немецкая, пузатая, это энзэ, я ему так и сказал, неприкосновенный запас.

– Отчего же в ней половпна? – затормошил спящего Гринько.

Эсбист вскочил с постели лохматый, большелобый, со сплющенным кривым носом и неестественно узким, будто в насмешку срезанным подбородком.

– А-а?! – дико рыгнул он, утер ладонью губы и так довольно ощерился, узнав Зубра, что, казалось, готов был броситься в объятия. Да вовремя успел сообразить, что от него разит перегаром. А потому только сделал приглашающий жест присесть, простуженно говоря:

– Надо же?! Не думал, не гадал. Друже Зубр! Вовремя! Как же вы вовремя! Голова кругом идет…

– Пить надо меньше, – жестко бросил Гринько, присаживаясь на короткую лавку. – Тебя же голыми руками бери.

– Учту, виноват… – покаялся эсбист. – Простудился, решил полечиться.

– Я так и подумал, друже Сова, – примирительно заключил Гринько и все же предостерег: – Повторов избегай, не допущу я, чтобы моего знающего помощника потрошили чекисты.

– Резон есть, – согласился тот.

– Сверху не слышно чернотропных указаний? – поинтересовался Гринько.

– Артистку попытайте, через нее ведь связь к краевому проводнику, – тонко хихикнул эсбист, добавив: – Может, у нее с Хмурым поближе контакт.

– Ты мне это брось! – возмутился Гринько, но тут же заинтересованно спросил: – Что-нибудь известно тебе?

– Ни-и, шуткую, – замахал руками Сова, поняв, что сболтнул не просто лишнее, но и опасное для себя.

Об этом же сказал ему и Гринько:

– Ты учти, ночная птица, Хмурый не переносит любопытных, поэтому твои догадки могут сильно напортить тебе. Я не скажу, другой выслужится… А теперь опохмелись на здоровье, если охота есть, да спать будем. Кровать моя. Все! Гаси свет.

5

Отправляясь представить своего нового заместителя первому секретарю обкома партии Профатилову, полковник Исаенко говорил Киричуку:

– Учти, Василий Васильевич, будешь говорить с Ильей Ивановичем, помни, он человек опытный, отлично изучил местное население, знаком со множеством людей. И главное – всегда чувствует и знает обстановку. Обрати внимание: чувствует! Ты с этим столкнешься не раз… Во все вникает, но не распыляется по мелочам. Так что от тебя уже сегодня требуется широта познания и глубина мышления в новом качестве.

– Я еще в курс дела не вошел, – напомнил Киричук.

– Принял командование, значит, за все и в ответе. Бандитам все равно, когда мы приходим и когда уходим. Кстати, припомни-ка, что говорил твой наставник юности Наумцов: «Чекист с четверти оборота должен подключаться к любой оперативной скорости».

У Киричука потеплели и оживились глаза.

– Смотри-ка, помнишь, – удивился он. – Федор Владимирович при этом еще добавлял: «Не теряя ориентировки».

– Разумное дополнение, – поддержал Исаенко и спросил: – Тебе известно, где он сейчас?

Этого Киричук не знал и был рад, услышав, что Наумцов жив и здоров, работает в Запорожском управлении МТБ. Да и как было не обрадоваться вести о чекисте, по которому сверял меру человеческой порядочности и крепости духа в людях.

Они познакомились в начале тридцатых годов, обучаясь в Винницком гидромелиоративном техникуме. Киричуку было семнадцать, а коммунисту Федору Наумцову все двадцать пять, он уволился в запас младшим командиром из кавалерийского полка корпуса червонных казаков. Влияние старшего на формирование личности вступающего в жизнь смышленого паренька было огромным как в понимании долга, дисциплины, так и щепетильной обязательности во всем.

Они разъехались из Винницы в разные стороны. Киричуку предстояла работа по специальности в Казахстане. Переписывались. В одном из писем Федор Владимирович сообщил о том, что стал сотрудником ОГПУ.

В школьные годы Василию Васильевичу приходилось встречать военных с овальными знаками со щитом и мечом на гимнастерке. Забывая обо всем на свете, шел за ними по улице. Чекисты вызывали к себе трепетное уважение: они боролись со шпионами, с врагами. И вдруг хорошо знакомый человек стал чекистом. Нестерпимо захотелось последовать его примеру. Наумцов одобрил это желание, предупредив молодого друга о том, что в предстоящей работе у него до конца дней должны быть горячее сердце, холодная голова и чистые руки. Тогда Киричук еще не знал, что это слова Ф. Э. Дзержинского.

В сентябре 1933 года по путевке Южно-Казахстан-ского обкома комсомола Киричук стал сотрудником органов госбезопасности. Войну встретил на посту заместителя начальника управления НКГБ Ферганской области. А осенью чекистская судьба свела его с Исаенко в военной контрразведке при формировании 53-й отдельной армии. Тут-то им и довелось узнать врагов иного рода – оуновцев.

Исаенко не забыл, как умело разоблачал Киричук законспирированных бандеровцев, которые по заданию их главарей стремились проникнуть в действующую армию с целью сбора шпионских сведений, убийства командиров и политработников, рассчитывая затем перейти на сторону врага.

Поэтому после войны, когда ему потребовался заместитель, непосредственно руководящий борьбой с бандоуновским подпольем, полковник Исаенко вспомнил о Киричуке. И в этой

новой должности Василий Васильевич должен был сейчас представиться первому секретарю обкома партии.

Профатилов встретил руководителей государственной безопасности на Волыни, привычно выйдя из-за стола. Небольшого роста, плотного телосложения, он был словно влит в темно-синий френч, какие носили партийные работники довоенной и послевоенной поры. В галифе и хромовых сапогах, первый секретарь почему-то показался Киричуку похожим на партизанского командира. Это впечатление подкрепляли и острый, волевой взгляд, и твердое рукопожатие, и широкий, приглашающий садиться жест.

– Я достаточно осведомлен о вас, Василий Васильевич, обо мне вам полковник Исаенко, уверен, уже рассказал, так что, будем считать, знакомство состоялось.

– Вы правы, Илья Иванович, пуд соли все равно за присест не съедим, – поддержал Киричук.

– За присест не надо, а в принципе я за то, чтобы мы с вами дольше работали.

– Желательно, конечно.

– Это зависит и от вас, подполковник. Не скрою, мы рассматривали кандидатуры на должность заместителя начальника управления из числа местных товарищей. Однако полковник Исаенко отстоял вас. Если хотите, убедил нас.

– Спасибо за откровенность. Это повышает мою ответственность.

Профатилов доброжелательно кивнул головой.

– Для начала я не стану пускаться в наставления. Поживите, оглядитесь. Помните о том, что задержка с ликвидацией вооруженных банд ОУН сдерживает осуществление важных социальных, экономических и политических мер, предпринимаемых в перестройке хозяйства. Нам необходимо укрепление местных органов советской власти, правопорядка, осуществление других мер, вытекающих из задач строительства нового для волынян социалистического общества. Работа преогромная. Она требует полной самоотдачи.

– А иначе работать нам не приходилось, – выразил привычную готовность Киричук.

– Знаю. Но стоящие перед нами задачи требуют еще энергичнее вести борьбу с остатками банд. Вам надо, Василий Васильевич, прежде всего уяснить, что чекистская работа в западных областях Украины совершенно отличается от той, которая ведется, к примеру, в России и даже на остальной территории Украины. Там война отдаляется годами, восстановлением разрушенного народного хозяйства. Тут же заново ведется строительство новой жизни, и при этом продолжают гибнуть люди.

Исаенко вставил:

– Гибнут прежде всего самые активные созидатели этой жизни.

– К сожалению, да, – поддержал Профатилов. – Оуновцы мешают населению жить и работать в полную силу. А у крестьян не всегда хватает духа дать решительный отпор недолюдкам. Прошлой осенью бандиты совсем обнаглели, начали охотиться за «ястребками». Имейте это в виду, чтобы не повторились уроки прошлого. Напомните об этом и майору Рожкову.

– Учтем! – сделал пометку в блокноте Киричук и заверил: – Возьму на контроль.

– Необходимы, товарищи, большая организованность населения, убежденность людей в правоте нашего дела. А для этого какие мы усилия должны проявлять постоянно? – вопросительно посмотрел на Исаенко и Киричука секретарь обкома.

– Известно, какие, – живо откликнулся Исаенко. – Все свои способности, энергию отдать на то, чтобы покончить с националистическим бандитизмом.

– Нет, этого недостаточно, – решительно возразил Профатилов. – Я имею в виду постоянное участие чекистов в пропагандистско-разъяснительной работе среди населения. В идеологической борьбе мы не должны терять души людей ни при каких обстоятельствах.

Киричук счел нужным высказать свое мнение:

– Насколько я понял, Илья Иванович, чекист обязан использовать любую возможность разъяснять населению сущность социалистических преобразований.

– И непременно раскрывать суть украинского буржуазного национализма, для чего необходима соответствующая подготовка, – задержал взгляд на Киричуке Профатилов. – Это, Василий Васильевич, касается не только вас, как новичка на Волыни. Я, например, также постоянно читаю соответствующую литературу и нахожу кое-что любопытное. Да вот хотя бы взять небезызвестного прислужника Гитлера митрополита Шептицкого, того самого, который в сорок первом году написал об Украине как о подневольной фашистам территории, народ которой не имеет права на свободу и свою суверенную державу. Не стану касаться известных его изречений о том, что властвовать могут «богом избранные единицы», что наемный работник не имеет права на собственность и тому подобных. Все это мы в разных вариантах слышали. И вдруг обнаруживаю введенное Шептицким понятие вместо «украинская держава» – «национальная держава», этакий смысловой выверт типа «ридна хата», «всенациональная хата».

– Вот тебе и самостийная Украина, – оживленно подхватил Исаенко. – А все оттуда же, от куркульства: навоз возле хаты – мой! Тронь – на вилы подымет. И государственность у националистов, униатских священников в том же духе: Украина для украинцев. Прежде всего собственность! Единоличное представление своего хозяйства и государства.

– Так что, Василий Васильевич, вам на ходу придется познавать тонкости реакционной националистической идеологии украинских собственников – злобствующих врагов коренных интересов трудящихся, – закончил секретарь обкорма, добавив: – Мы должны поскорее дать людям возможность спокойно трудиться.

6

Не восхищаться своим чутким слухом Зубр не мог: верный страж его ни разу не подвел. Вот и сейчас, едва скрипнула ляда – деревянная крышка лаза, Гринько тут же пробудился, навострившись, потом по тихим, приближающимся шагам узнал Яшкину походку, неспешную и даже как будто с сонной ленцой, не дающей повода к беспокойству.

Медленно приоткрылась дощатая дверь в схрон, и прежде чем вспыхнул трехцветный немецкий фонарик, настроенный на спокойный зеленый луч, раздалось предупредительное, вполголоса, пожелание доброго утра.

– Друже… Я это… это я с делом, – чуть ли не у самого носа Гринько вспыхнул, ослепив, фонарик. Тот руками отбрыкнулся, зло обругал:

– Слепишь, паразит! Тюкну я тебя, Сморчок, наведешь ты меня на грех.

– Так это, вчера-то вы сами и велели… до утра чтоб. Вот я и говорю, тут она, в боковушке ждет, сердитая, а улыбается.

– Артистка! – с придыхом вырвалось у Гринько, схватившегося за небритый подбородок.

– Буди, говорит, Ивана… вас, значит, удача мне подвалила.

– Какая удача? – неспокойно спросил Гринько, надевая пиджак и по привычке проверяя, все ли цело в карманах. Уточнил: – Она так и сказала «Ивана» или как иначе?

– Да, так и повеличала, как же еще, – говорил Яшка, сам не зная почему скрыв произнесенное Артисткой: «Буди Ваньку, некогда мне ждать… ночью, видите ли, доставь… что я ему? Зови, говорю, а то уйду. Он тут должен был сидеть и терпеливо ждать». Властная женщина засмеялась, и непонятно стало Бибе, всерьез ли говорила или шутила.

– Это само собой, – кивнул Гринько и привычно распорядился: – Иди живо, приготовь мне побриться, чистую получше рубаху, гребень не забудь, второй месяц пятерней причесываюсь. А сама пусть в боковушке сидит, пока не явлюсь.

И, уже подымаясь по лестнице вслед за Яшкой из подпола, добавил:

– Явдоха пусть столик накроет, винцо там, яблочки… С дамой все-таки, они это ценят, тем более такая помощница.

В прихожке он даже подмигнул Явдохе, несшей начищенный до яркой желтизны самовар, и та, раздовольная, расплылась в улыбке.

Яшка принес полотенце, бритву, сам поправил ее на оселке, манерно, откинув мизинец, подал Гринько. Тот уже намылился и, задернув мешковатую занавеску в закутке у печки, где висел рукомойник, сунулся носом в увеличительно искажающий осколок зеркала, должно быть, от прожекторного рефлектора, твердой рукой ловко заработал шуршащим лезвием.

Из закутка вышел посвежевшим и, тихо приблизившись к приоткрытой двери в боковушку, прильнул к щели, прямо-таки впился глазами в преспокойно сидящую на табуретке обожаемую женщину. Мария мечтательно смотрела в окно. Никогда еще Зубр не видел лица Артистки таким одухотворенным, загадочным, будто перед ним сидела не бойкая, давно известная ему игривая хохотунья с кудельками на висках, а совершенно другая, незнакомая женщина.

«У, сатана!» – мысленно вырвалось у Гринько, и он распахнул дверь с возгласом:

– Слава Украине!

– Героям слава! – чуть приподнялась она со скрипучего табурета.

– Здравствуй, Артистична. Рад видеть тебя в добром здравии.

– Будь и ты здоров, Зубр. Что-то не нравится мне твоя личность, болел, слышала.

– Личность моя крепко здорова, к ней хвороба не причастна!

– Зачем позвал? – вдруг непривычно строго спросила Мария и добавила вовсе не по рангу поучающе: – Не надо бы превращать хату Сморчка в расхожий постой. Очень даже зря… Заследили главный запасник Хмурого. Не одобрит он.

В этот момент с улыбчивым «извиняйте» вплыла Явдоха, высоко держа в руках самовар, а следом за ней, пружиня на хворых ногах, торжественно нес перед собой граненый штоф с вишневой настойкой и тарелку моченых яблок шустрый Яков, успевший раньше хозяйки поставить угощенье на стол да еще выложить из кармана кулек с конфетами.

Когда хозяева ушли, Гринько взял с этажерки две чашки, протер их полотенцем, налил вина. Он делал все это молча, по-домашнему деловито, не глядя на Марию. А та наблюдала за ним с тем любопытством, с каким присматривают за ребенком, взявшимся за непривычное занятие.

– Будь ласка, выпей за нашу удачу! – предложил Гринько и, подождав, пока Мария подняла чашку, залпом выпил.

– За удачу! – охотно подхватила она и, сделав несколько глотков, отставила чашку. Заговорила напористо, властно: – Задачей номер один Хмурый ставит перед «черной тропой» уточнить и доложить численность оставшихся боевок, потери за три зимних месяца, наличие оружия и боеприпасов, возможность их пополнения, а также все о дезертирах, сомнительных лицах.

– Об этом наверняка в «грипсе» сказано, – испытывающе посмотрел в глаза Марии Гринько, принимая от нее послание Хмурого.

– Не знаю я, что в «грипсе», не любопытна, говорю то, что велено передать на словах.

– Кем велено? – резко спросил Зубр. – Не Хмурый же облагодетельствовал тебя личным вниманием.

– А почему бы и нет? – с вызовом бросила Артистка, спохватившись вдруг, что Зубр с ревнивым чувством принимает ее словесные выверты за чистую монету, и как бы тут не заиграться, не накрутить на свою шею удавку. Поэтому встала, прошлась по комнате, поигрывая округлыми бедрами – знала, бестия, чем сбить, стушевать недовольство мужика, который и в самом деле не мог оторвать от нее глаз, пока она не повернулась к нему, сказала как можно успокаивающе, душевно: – Хмурым велено. Только я, Иван, чай с ним не распивала и не сидела вот так. В глаза его не видела. Говорю, велели передать. В следующую пятницу с темнотой явишься на хату Шульги в Боголюбы известной тебе дорогой, строго обязательно. Кумекай сам. С данными, о которых говорила. А завтра вечером я тебе принесу кое-какие известия о причине ареста наших трех людей в Луцке. Пока сходимся на одном: чекисты расшифровали «грипсы», захваченные в схроне Ворона. Но ведь там фамилии не упоминаются. Наверное, по тексту кто-то из них выплыл… Самой не по себе, как бы не подцепили, потому и рассерчала, когда позвал меня. Еще бы не хватало тебя завалить. Проходными дворами круг дала.

Высказанная Артисткой забота о Зубре была фальшивой, и они оба понимали это. Уловив тревогу во взгляде Гринько, Артистка плеснула масла в огонь:

– Добра не жди!

– Какого добра?! От кого? – повысил голос Гринько, успевший распечатать и прочитать небольшой по содержанию «грипс»: «Друже Зубр! Жду. Бог. Брат Ш. 4.22.X.1224», что означало: «Жду в Боголюбах у брата Шульги в четверг 22 числа Хмурый».

Артистка молча поднялась, не ответила.

– Больно ты осведомлена, вижу. Своим умом дошла или как?

– Ты меня вроде бы за глупую не считал. Чего же сейчас дуришь? – убедительно просто ответила Мария и деловито спросила: – Сюда тебе принести свежие новости, что разузнаем об арестованных, или в тайник у грушки положить?

Зубр тяжело, исподлобья посмотрел на Артистку, не зная, что ответить, и вдруг решительно сказал:

– Принесешь сюда. Буду ждать.

7

В полдень капитан Антон Тимофеевич Сухарь переступил порог кабинета генерала Поперeки. Их встреча была накоротке: обнялись, оглядели друг друга, оба рослые, даже будто бы внешне очень похожи, если не брать во внимание глубокие залысины, напористость во взгляде старшего и густую темную шевелюру, открытую улыбку младшего.

Внутренне их многое роднило. Начиная с той предвоенной весны, когда Антон Сухарь только приступил к чекистской работе. Вскоре он получил ответственное задание внедриться в ряды оуновцев, что успешно и осуществил – оказавшись в немецкой разведывательной школе под Грубешовом в «Генеральном губернаторстве оккупированных польских территорий», как тогда Польшу называли фашисты. Только раз ему, Цыгану, перед самой войной довелось прийти из-за границы с устным секретным приказом оуновцам готовить большой сбор. Тогда чекисты воспользовались возможностью подсунуть дополнение к этому приказу, обязывающее бандглаварей Львовского приграничья собраться для получения боевой задачи в Самборском лесу, где они и были обезврежены. Трижды за первое военное полугодие фашистский абвер забрасывал разведывательно-диверсионные группы во главе с Антоном Сухарем в тыл обороняющихся частей Красной армии. И каждая из этих групп «успешно выполняла» свои задачи и гибла «геройски» в не вызывающей сомнения ситуации, позволявшей спастись лишь немногим, в том числе руководителю. Учитывая, что очередное такое «спасение», вероятнее всего, привело бы к нежелательному концу, лейтенант Сухарь больше не вернулся в абвер, его оставили работать в особом отделе Юго-Западного фронта. После ранения и излечения в госпитале судьба снова свела его с Поперекой в особом отделе вновь созданной 6-й армии генерала Малиновского на Южном фронте. Потом служебные пути их разошлись. И вот впервые после пятилетнего перерыва соратники по нелегкой чекистской судьбе снова встретились.

– Хорош, хорош! – по-родственному мягко смотрел на Сухаря Поперека. Полюбовался им какое-то мгновение, удовлетворенно хлопнул по плечу:

– Один или с Таней приехал?

– Вдвоем устраиваться не езжу. Пребольшой привет вам послала и байку меда, чтоб сердце не болело.

– Так у меня ж, слава богу, не болит.

– Чтоб не заболело, – присел к приставному столику Сухарь.

– Это другое дело. Где же мед, давай, – протянул обе руки Михаил Степанович и добавил: – Это она мне за то, что я тебе снова не очень сладкую жизнь уготовил. Редко будешь видеться с семьей, совсем, может быть, не придется в этот год.

– Что за работа? – любил определенность Сухарь.

Поперека распрямился за столом, вздохнул, будто миновав крутой рубеж, ответил исчерпывающе:

– В ОУН нужно войти с черного хода и выйти из парадного. Может быть, с одним из главных бандитов. Ты готов для такой роли?

Капитан Сухарь понял свою задачу.

– Уж не на главаря ли центрального провода задумка вывести меня?

– Нет, не на него, Антон Тимофеевич, но, как говорится, чем черт не шутит. Словом, ориентир верный берешь. Цель нашу пока обобщенную наметим: выход на члена центрального провода. И начинать тебе придется со вживания в их среду. Наметка тут у меня одна звонкой струной должна прозвучать. Из нашего с тобой старого багажа… Ты где остановился?

– В гостинице. Я что-то, Михаил Степанович, пока не вижу связи между моим вживанием в ОУН с выходом на центральный провод. Ну, как бы это сказать, будто предстоит мне скоро-

течное продвижение из солдата в генералы. Так не бывает. Да и рядовым-то бандитом при их жесткой конспирации меня не враз примут, проверку учинят. Убить кого-нибудь предложат.

– Никакой ты для них не рядовой, – отмахнулся Поперека, – а свой человек с высшим разведывательным образованием, преподнесенным тебе в абверовской школе, которая по нынешним временам здорово ценится оуновцами. Войти к ним ты должен со звонким прикрытием, чтобы убедить в своей бандитской хватке и исключить возможную проверку. Все это мы сделаем с тобой как нужно. И продвижение твоего солдата хотя бы в адъютанты генерала нас устроит на все сто.

– Понимаю, – губы Антона Тимофеевича сложились трубочкой. – На адъютанта я, пожалуй, при соответствующих условиях вытяну. Что там за наметка? Говорите, из старого нашего багажа? Ну та, что звонко должна прозвучать?

Поперека расплылся в улыбке.

– Будет толк, капитан! – сказал он, словно в чем-то окончательно убедившись. – Ты помнишь фамилию Дербаш?

– Дербаш… Дербаш? – повторил Сухарь. – В абверовской разведшколе под Грубешовом долбил нам средства связи и способы диверсий на ней. Разок от пограничников удирали с ним, я его, можно сказать, спас.

– Он самый, молодец! – похвалил Поперека. – Так вот он в верхах у бандитов… Фамилия знакомая, вижу, по материалам проходит. Какой он из себя?

– Небольшой, сутулый и челюсти-салазки расперты, как у дохлого окуня. Колючий, увертливый мужик… Ты смотри-ка, живой!

– Эсбист центрального провода, фигура значимая, тебя он должен помнить и, будем рассчитывать, поддерживать. А легенду мы тебе наиправдивейшую сложим. Теперь ты понимаешь, Антон, какого я тебе покровителя выискал?

– «Учителя» моего! – ничуть не преувеличил Сухарь, осознав сложнейшую ответственность, которую возлагали на него. Добавил: – Считайте, я вхожу в роль, дрожу, как английский сеттер перед выстрелом.

– Только без азарта, не увлекаться, капитан. Ни эмоций, ни расслаблений ни на мгновенье, – счел нужным сразу предупредить подчиненного и друга Поперека. – Сегодняшний вечер и завтрашний день даю на подготовку, почитаешь кое-какие материалы, они сориентируют тебя вообще и по легенде внедрения. Ну а как и где станешь вживаться, это мы обсудим позже.

8

Подполковник Киричук стал замечать: стоило ему зайти к кому-либо из сотрудников в кабинет, как тут же шел к окну и какое-то время разглядывал ближние и дальние дома, будто изучая окружение.

– Что вы там углядели? – тоже подошел к окну Чурин и указал рукой в сторону справа: – Во-он за углом через дорогу монастырская постройка с колоннами, видите, крыша как на куличе, полукружьями. Там духовная семинария. А рядом…

– Так что вы «раскусили» в зашифрованном «грипсе»? – перешел к делу поважнее Киричук.

– Да вот, – Анатолий Яковлевич достал из ящика стола тонкую папку, раскрыл. Оба склонились над ней.

– Вроде бы просто, – заметил Киричук. – И нужные сведения они достают без подкопа. Застращают человека, он им на все вопросы даст ответ.

– Ларчик-то, верно, легко открывается. Не с одним из таких пособников я говорил, спрашивал, зачем он помогает оуновцам. Ответ один: за эту помощь вы, то есть советская власть, на худой конец только лишите свободы, а за помощь вам, если узнают бандиты, уничтожат всю семью, спалят хозяйство. Вот и весь аргумент.

– Но как ни страшится бандитской пули население, однако нам охотнее помогает, без чего мы бы не смогли работать, – подтвердил для себя какую-то тонкость Киричук, и Чурин в тон ему добавил:

– Это бесспорно. Помощь оказывают в самой различной форме: и личным приходом в органы госбезопасности, кстати, ко мне даже на квартиру приходили с рассказом о местах укрытия бандитов и письмами.

– Да, надо эти отношения укреплять, – заключил Василий Васильевич. С его лица сошла озабоченность. Доброе мнение об этом работнике в нем окончательно утвердилось.

9

В Железнодорожном переулке, что рядом с вокзалом в Луцке, минута в минуту с приходом утреннего поезда из Киева остановилась обшарпанная полуторка с металлической бочкой в кузове. Худощавый, ничем особо не приметный на лицо шофер остался за баранкой, наблюдая через обзорное зеркало за прохожими. Среди них он пытался отыскать высокого мужчину средних лет в шинели без погон и в кирзовых сапогах, у которого аж с синим отливом волосы. В руках тот должен держать серый потертый чемоданчик.

Ожидаемый появился совсем неожиданно и не со стороны вокзала, а сбоку, стремительно выйдя из открытой калитки двора, напротив которого стояла машина. Привычным движением распахнул дверцу, сел в кабину, положив чемоданчик на колени:

– Доброе утро, Василий Васильевич! Я – Сухарь.

– Здравствуйте, Антон Тимофеевич! – откликнулся подполковник Киричук, тронув машину. – Полный порядок… Но какая необходимость была добираться сюда проходными дворами? Все, что ли, их в Луцке знаете?

Сухарь терпеливо выслушал и оправдался:

– В нашем деле лучше появляться не с той стороны, откуда ждут. Это, Василий Васильевич, я вспомнил предвоенное наставление Михаила Степановича Попереки, моего первого чекистского наставника.

– И он отзывался о вас уважительно, – ответил Киричук.

– А в Луцке я не был с довоенной поры. А как неприметно оказаться возле нужного объекта, сами знаете, дело не хитрое.

– Будем считать, что знакомство состоялось. – Василий Васильевич перевел разговор к делу: – Довезу вас до края лесочка у села Баева. А там уж сами добирайтесь к своему дядьке Мохнарыло. Он действительно ваш родственник?

– Никифор Лексеич-то? Брат матери, конюхом в колхозе. Его жена, тетка Ивга, меня одиннадцатилетним привезла к себе. Так что с радостью сейчас к ним, – не стал увлекаться подробностями Сухарь, спросил: – Как будем контакт держать? Это для меня поначалу очень важно. Может сложиться так, что сразу удастся установить связь с бандитами, выйти на них, или они сами наткнутся на меня. Пару дней на обживание и, так сказать, естественное вхождение в роль. А там видно будет, когда в лес уйти.

– Связь для надежности предусмотрим личную. Контакт приказано держать только со мной и строго конспиративно. Встречи в полночь в дубках, что пониже мостка через речку, ежедневно.

Машина быстро шла под уклон, Киричук даже притормозил малость – вот-вот надо было сворачивать на полевую дорогу к лесу, за нешироким клином которого – место расставания.

– Почему вы с генералом решили усложнить ввод к ауновцам? – спросил вдруг Киричук. – Не проще ли и вернее было сразу отправиться к своему дальнему родичу леснику, ведь ваше, так сказать, бандитское прошлое, сотрудничество с абвером вроде бы солиднее всех дополнительных накруток и в проверке не нуждается.

– Потому и усложнили, что нуждается. Я воевал в рядах Красной армии, был в плену, репатриирован американцами из лагеря перемещенных лиц. Затем около года проходил проверку, благо, служил и остался под своей фамилией. Наконец, отпустили домой. А где мой дом? Ехать на Львовщину в Самбор и на кого-нибудь там напороться, чтоб старое мне вспомнили…

– Так налететь-то вам и здесь легко, – проверял и фактическую, и тональную верность легенды Киричук, признав при этом, что он и сам чисто воспринял предложенную игру.

– А что делать, когда меня к «своим» тянет. Не может быть, чтобы ни души не встретил.

Очень уж убедительно прозвучало в исполнении Сухаря «к “своим” тянет». И Киричук не стал далее развивать этот разговор, решив, что опытнейший Поперека, знающий чувство меры в чекистских делах, зря усложнять не станет.

Подымаясь на пригорок к селу Баево, Сухарь пристально рассматривал хаты и почерневшие от старости сараюшки, неизвестно как уцелевшие после такой всеиспепеляющей войны. Рядом с селом темнел сбросивший остатки снега лес. Это на северо-западе. С востока село петлей огибала небольшая речка – неширокая, чистая.

Только теперь, перед встречей с дядькой Никифором, Антон Тимофеевич забеспокоился: насколько тот осведомлен о прошлом племянника с начала войны? Не написала ли мать своему братцу, что ее любимый сынок Аптон работает в госбезопасности?

«Вот так фокус выйдет», – встревожился Сухарь, подходя к приземистому, по-родному близкому домику. Он постучал в кухонное окно, в которое моментально сунулась остреньким носом сильно постаревшая тетка Ивга. И, забыв обо всех тревогах, Антон, как бывало в детстве, бросился в сени. Он помнил: тетка его жалела.

Она признала его не сразу, даже ойкнула, когда племянник подхватил и поднял ее, сухонькую, как ребенка, перед собой. И лишь когда назвал себя, вдруг провела морщинистой ладошкой по его лицу, весело, по-девичьи хмыкнула, зашевелилась, просясь на пол, звонко крикнула:

– Никифор! Да ты что разлегся, глянь-ка, кто приехал! Антон!

А Никифор Алексеевич, кряхтя, уже вставал с постели, было видно, не сразу сообразив, о каком Антоне так радостно воскликнула его старуха. Но признал гостя, едва тот подошел, обнял, пустил слезу, вспомнив своего погибшего сына, только и сказал для начала: «Живой!»

– Вы, наверное, считали меня погибшим? – спросил Антон не без умысла, желая сразу сориентироваться, как вести себя.

– Да уцелеть-то у таких, как ты, шансов мало было. Нынче удивительно не когда убьют, а когда жив.

– У каких таких-сяких? – навострился Сухарь, смотря в бесхитростное лицо дяди.

– С твоего, Антоша, года, поди один на сотню с войны домой воротился. Скидывай шинельку, приглашения не жди.

– А ты пригласи, гость он, – из-за печки тоненько упрекнула тетка Ивга.

– Ранен был или обошлось? – поинтересовался старик, наблюдая, как раздевается племянник.

– Два раза меня зацепило, но здоров, – Антон повесил шинель на гвоздь, выпил из ведра воды и вернулся к столу, заметив, что родич неспроста не отрывает от него глаз.

– Правильно делаешь, что не носишь ни наград, ни знаков, – сам ответил старик на возникший у него вопрос. – А то неспокойно у нас тут.

Антон не захотел показаться непонятливым, к тому же ему до тонкости не ясно было отношение дядьки к бандитам.

– Меня не тронут, – уверенно успокоил он и пояснил: – После плена я полтора года сидел, проверяли, вот отпустили. Что я им, этим бандюгам. Ни вреда, ни пользы. Настрадался, хватит, наверное, с меня, будет, – медленно говорил Антон, так и не уловив ни худого, ни доброго оттенка в цепком взгляде Никифора Алексеевича. Бывает же так, и родной человек становится загадкой. Хотя особо-то разгадывать своего дядьку Сухарю вроде бы ни к чему было, потому как получил о нем исчерпывающую информацию: с бандитами связи не имел и не имеет. Дважды предупреждался ими о возможной каре – за участие в лесозаготовках и в охране сельмага.

– Они вред найдут, если ни к ним не идешь, ни еды им не несешь.

– Ну, это мы еще посмотрим…

– Ничего ты не насмотришь, – перебил Никифор Алексеевич и вдруг спросил: – Чего домой не поехал? Я это не к тому… живи на здоровье, нам даже лучше, места хватит.

– Нет дома, разве не знаешь? Отец помер, мать к Евдокии уехала. В Самборе никого из наших.

– Когда же Тимофей помер-то? – с фальшивинкой в голосе и вытаращенных глазах, изображавших сожаление, спросил Никифор Алексеевич и сам заметил наигрыш, поднялся из-за стола, взял из рук тетки Ивги миску с квашеной капустой и солеными огурцами, поставил перед гостем. Переспросил: – Погиб или помер?

Сухарь окончательно понял: дядька крутит, проверяет его.

– Ты же, дядя, ездил на его похороны ровно два года назад по весне. – Племянник ожидал, что старик безмерно смутится либо, ошарашенный, будет отнекиваться, тогда ему было бы сказано: а кто же после поминок залез в ванную и блаженно разлегся в ней: «Боже ж ты мой, то ж настоящая люлька, я спать в ней буду. Какая же она удобная». И действительно, проспал в ней ночь, мать Антону об этом рассказывала.

Но, уличенный во лжи, старик не смутился.

– Соврал, – не моргнув, ни капельки не усовестившись, признался он и легко повторил: – Взял и соврал.

– Нынче без этого нельзя, – решил подладиться Сухарь. – Тем более если ложь не в ущерб людям, а на пользу.

– Вранье оно и есть вранье, – резко отмахнулся Никифор Алексеевич; и этот с чувством жест не только напомнил, но и подтвердил племяннику, насколько родич его не любил и до сих пор не переносит лжи, за что вправе рассчитывать на уважение к себе.

– Нет, не испортился ты, дядя, за войну, – прикоснулся к его руке Антон Тимофеевич и добавил: – Какой был!

– Ты чего приехал? Не таись, свои помогут, – поняв и оценив сказанное, с мягкостью заговорил Никифор Алексеевич.

Начала такого разговора ждал Сухарь. Ему нужно было выговориться по своей легенде, попробовать поимпровизировать вокруг нее, послушать собственную интонацию и меру нажима в голосе для правдоподобия, что в целом должно придать ощущение уверенности перед встречей с бандитами. Первое впечатление всегда очень важно, хотя известно, что оно бывает и обманчивым.

– Случайная необходимость заставила, дядя Никифор. Когда проверку проходил после плена, написал в анкете, что отец умер, а мать уехала к дочери, моей сестре, адреса ее не знаю…

– Да как же это ты, в Орехове она Запорожском, – живо вставил Никифор Алексеевич, и по лицу его было видно, говорил участливо, не заподозрив обмана.

– Тогда-то я не знал… Ну а в графе, к какому месту жительства отправляюсь, надо было указать адрес. Чей же еще я, кроме вашего, напишу? Вот мне и выдали приписное и проездные документы через Луцк в Баево.

– И тут твой дом, – согласно кивнул дядя Никифор и сунулся к окну – кого-то увидел во дворе, – сообщил: – Мирон семенит. Пронюхал уже, видать, о тебе, Антон, ему всюду бандюги мерещатся.

– Кто такой?

– Кормлюк-то? Мирон Иваныч? Секретарь сельсовета.

– Ну-у!.. – уважительно поднялся Антон Тимофеевич, считавший любого на этой должности в здешних краях человеком отважным. – Ему по должности положено порядок блюсти.

Новый гость без стука вошел в приоткрытую дверь, присел на лавку и, ни на кого не обращая внимания, уставился в кухонное окно.

– От кого-то бежал, что ли, Мирон Иваныч? – подковыристым тоном задел его Никифор Алексеевич. – Да куда ты глазеешь? Что случилось?

– А-а… Думал, он увяжется за мной. – Секретарь сельсовета оглядел сидящего за столом Сухаря, сказал с удивлением: – У тебя тоже гость.

– Еще какой! Племянник приехал.

– Это хорошо, когда племянник. А то тут вот субъект в Баеве объявился: рожа страшней некуда, бледная, зиму, видать, в схроне проторчал, раненая рука на перевязи. Спокойный такой, как у себя дома. И еще, говорит, инструктор райкома.

Антон Тимофеевич вглядывался в лицо секретаря сельсовета, потом заметил искалеченную с тремя пальцами ладонь.

– Интересу мало, – уловив его изучающий взгляд, сказал Кормлюк. – Пальцы что? Кишки на куски чуть не искромсало под поездом. Из плена бежал. В тот раз не убег.

– Я тоже бегал, – охотно подхватил Сухарь. – Да неудачно. Чуть богу душу не отдал, американцы освободили.

– Ну, понесли, друзья по несчастью, – остановил разговор Никифор Алексеевич и дал знак племяннику, чтобы тот не распространялся насчет плена.

А Сухарю хотелось сообщить побольше информации о себе, авось пригодится, пойдет по селу.

– Вовек его не забудешь, плен-то, – посетовал. И участливо поинтересовался: – Как вы-то тут живете? Банды прикармливаете?

– Черт бы их, оглоедов, кормил, – сердито проворчал Никифор Алексеевич.

– Вошь тоже сама кормится, – сухо сплюнул Кормлюк и поднялся из-за стола, властно пригласив: – Пошли-ка проверим этого субъекта, я вас вроде актива приведу.

– Чтобы он нас кокнул? – так, между прочим, воспротивился Никифор Алексеевич, доставая сапоги.

Они вышли на дорогу, но Кормлюк не захотел идти по ней, ловко перепрыгнул кювет и засеменил по оттаявшей земле, говоря шагавшим следом помощникам:

– Через две хаты, у дядьки Парамона, сидит. Чуть сигнал дам, хватайте его. Не бойтесь, револьвер со мной.

В неказистой хате дядьки Парамона, у которого, говорили, два сына в банде, собрались люди. Инструктор райкома партии Беловусько Федор Ильич, как представился приезжий, говорил:

– …Земельное общество вас самих в конце концов не устроит. Здесь нужна инициативная группа по созданию колхоза, потому как необходима более крупная организация хозяйства, чем парные супряги. Ну объединились Иван с Павлом, имеют они два коня, четыре бороны, плуг. Семян набрали. Но много ли таких? Объедини-ка безлошадных, что с того выйдет?

Пришедшие с секретарем сельсовета «активисты», слушая «бандита», у которого собрались проверить документы, переглянулись без опаски, не найдя ничего подозрительного в простом на вид, большелобом человеке, одетом в телогрейку и армейскую шапку, с раненой рукой на перевязи.

– С какого же перепугу ты мырнул от него? – шепнул Никифор Алексеевич Кормлюку.

– С чего ты взял? – привычно ответил на вопрос вопросом секретарь сельсовета. – Вот наш актив… Тебя недоставало, Никифор. В председатели колхоза хочу тебя рекомендовать.

– Что, новый фокус выкинуть собираешься? – отмахнулся Никифор Алексеевич. – Партизана Фрола угробили, его предшественника поуродовали. Ты вроде бы дядьку Парамона хотел рекомендовать в председатели, его не тронут бандиты.

– Эту кандидатуру прибережем до лучших времен, – серьезно ответил Кормлюк, и вдруг его осенило: – Антон Тимофеевич! Ты почти что нашенский, вроде как баевский. Впрягайся-ка в председатели, народ поддержит.

– Он-то поддержит… А стрельнут в кого? – воспротивился Никифор Алексеевич.

– Что тебе далось это «стрельнут»? И меня могут уложить, да ничего вроде, бог миловал.

– Спасибо, Мирон Иванович, не для меня это, – наотрез отказался Сухарь. – У меня головные боли…

– Ну смотри. Ты куда нацелился, уходишь? Нет, погоди, все-таки помоги нам документики проверить у этого инструктора. Поприсутствуй только.

Инструктор райкома охотно достал документы, подал их Сухарю, но тот кивком указал на секретаря сельсовета. Кормлюк прочитал предписание Торчинского райкома партии о направлении Беловуська Ф. И. в село Баево для организации колхоза, полистал новенький паспорт и военный билет, справку о ранении. Спросил:

– Удостоверение райкома есть?

– Еще не получил, не успел, а работа не ждет. К вам у меня первое поручение.

Кормлюк вздохнул:

– Вы хоть знаете, что за обстановка у нас тут? О бандах слышали?

– На вокзале у кассы говорили мне.

– Какой вокзал? – изумился секретарь сельсовета, уже не сомневаясь в искренности приехавшего представителя. – В райкоме-то вам дали инструктаж?

Беловуська по-детски улыбнулся и рассказал:

– И дали, и не дали… Я после госпиталя с женой приехал в Луцк к сестре и сразу в обком к секретарю по кадрам насчет работы. Я в партии еще с довоенной поры. Мне предложили ехать в район, говорят, в какой хочешь. Согласен, отвечаю, в любой, где тут же дадут квартиру. Назвали Торчинский. Приехал один, зашел в райком, представился, мне дают направление к вам…

10

Установились светлые погожие дни. А сегодняшний – особенно солнечный и пахучий, будто не от земли, а с выси тянуло молодой зеленью. Было ее еще немного, трава едва пробилась, да треснули почки неприхотливых кленов и нежных ив. Они пополнили воздух живой лепестковой свежестью.

Киричук широко шагал по краю поляны за расторопным майором Тарасовым, начальником Торчинского райотдела МГБ. Час назад, когда подполковник начал знакомиться с организацией работы в райотделе, пришло известие об обнаруженном в лесу под Смоligовом схроне. Туда сейчас и направлялись чекисты.

Киричук с пониманием сказал начальнику райотдела:

– Самый тревожный, оказывается, ваш, Торчинский район, больше всего в нем за прошлый год совершено бандитских преступлений.

Майор Тарасов спокойно ответил:

– Район как район. А частые бандитские акции вызваны тем, что и колхозов у нас больше, чем у других.

Василию Васильевичу понравилась сдержанная рассудительность начальника райотдела. Он решил поручить ему разработку операции с двойным заслоном-засадой.

Широколобый сурового вида лейтенант Кромский сдвинул деревянную ляду с лаза в схрон, доложил, указывая на берег речки:

– Вон там, у ивы, мы нашли консервные банки, кости. Это у речки-то после зимы! Ясное дело: где-то здесь бункер. Полдня елозили, пока лаз в него нашли. Ракетами туда дыма напустили. Молчок. Потом уже спустились вниз. Кто-то прятался тут вдвоем или втроем. По лежанкам видно. И ушли недавно: колбасные очистки еще не высохли, вода в кружке не застоялась.

Лейтенант спустился во входной колодец, который оказался ему по плечи, и сразу исчез. Следом за ним проник в схрон и Василий Васильевич. Там уже Кромский включил фонарик и поставил его на короткий из широкой доски стол. Свет падал на двойные нары, прикрытые полушубком. На полу, в углу, темнел металлический ящик, и подполковник сразу потянулся к нему рукой.

– Стойте! – ухватил его за локоть майор, только что влезший через проход в схрон. – Нельзя так! А вдруг ящик минирован, граната с наживленным кольцом под ним.

Лейтенант сел на нары.

– Да нет, – успокоил он, – проверен уже, фугаски нет.

Только сейчас Киричук обратил внимание, как низок потолок схрона, как сыро и заплесневело давит в ноздри застоявшийся воздух.

– Несите ящик наверх, – распорядился майор и прошелся ладонями по земляной стене: – Тут ниша, а то и две, должно быть, для особо секретных бумаг: шифры, способы чтения кодированных «грипсов», указания сверху. Смотря кто в схроне сидел.

– У вас имеются такие бумаги? Надо бы познакомиться с ними, – тоже прощупывая стену, говорил Киричук и вдруг наткнулся рукой на квадратную нишу. – Нащупал, вот-те на… Дайте-ка, майор, фонарик, глянуть, что здесь есть. Шкатулка резная!

– С ценностями, бывает, прячут, – вплотную приблизился Тарасов, увидя в руках подполковника находку из дерева.

А Киричук в мгновение извлек из шкатулки прошитые на уголке листы из тонкой светлой бумаги, перебрал их, задержал взгляд на небольшой, наподобие брошюрки, тетрадочке с отпечатанным на машинке текстом. Бросился в глаза украинский орнамент, крупные буквы из крестиков броско выделяли на титульном листе с угла на угол название: «Конспирация».

– Старье! – небрежно отозвался Тарасов. – Я бы эту пространную инструкцию уместил в одном предложении: молчание – лучшее средство конспирации. Не шибко оригинально, как видите.

– Ну а как на деле? Все ли они между собой никого не знают дальше своего главаря?

– Чуть дальше действительно не знают, за редким исключением, – подтвердил майор и предложил лейтенанту: – Займитесь схроном, чтоб никаких писаний тут не осталось. А я с подполковником Киричуком в отдел. Засаду отменяю, нас видели. Нечего на авось караулить. Закончите – отправляйтесь домой.

Уже в машине, крытом грузовике, Василий Васильевич с любопытством перебрал в шкатулке другие «грипсы» – тонкие, хорошо сохранившиеся листки с зашифрованным текстом, обнаружив на одном из них прямое обращение «Друже Угар!». Он показал бумагу майору, и тот охотно пояснил:

– Подлинная фамилия районного проводника Угара – Скоба Лука Матвеевич. Ему тридцать четыре года. Из торговцев. Орудует и скрывается пока что ловко, как у нас говорят, успешно. Вот наскочили, но их уже нет. Опередили нас. Возможно, случайно, пришла «черная тропа». Может, и нет.

– Какой же это успех? – удивился Киричук. – Как волки бегают. Инициатива целиком наша, надо только поэнергичнее ставить ловушки, заслоны.

– Это теоретически, Василий Васильевич, – не мог целиком согласиться с начальником бывалый Тарасов и для большей убедительности добавил: – Пока что мы с вами, случается, ищем ветра в поле.

Въехали в село Смолигов. Машина остановилась у церковной ограды. Пятеро солдат с сержантом спрыгнули из кузова на землю. Следом за ними спустились подполковник с майором.

– Часок можете смело вздремнуть, – сказал майор сержанту.

– Мы в сельсовет… Наблюдателя выставьте, мало ли что.

– А мы вот тут на лужайке у церковной стены укроемся, – облюбовал место сержант.

– Устраивайтесь, – одобрил Тарасов, увлекая Василия Васильевича в село.

С возвышенности была видна полоска речки. Оттуда, от широкого сарая с дымящейся трубой, доносился однообразный стук наковальни. Бегала детвора, копошились куры, далеко впереди маячила лошадь с телегой да женщина, держа коромысло на плече, несла воду. Кое-где на огородах были видны склонившиеся к земле люди.

– Сам бы сейчас взялся за лопату, – вздохнул Василий Васильевич и пояснил: – Люблю сельские запахи, звуки.

– Вы из деревни?

Киричук отрицательно мотнул головой.

– Из Винницы я, в Проскурове детство прошло. У деда бывал на селе. Памятно!

Встречный мужичок приподнял шапку, здороваясь, и двое чекистов в гражданской одежде от неожиданности смутились, ответили торопливо, с поклоном. В услышанном «Добрый день!» Василий Васильевич уловил столько приветливого расположения, что даже село перестало казаться настороженно притихшим.

– Приятно, знаете ли, – признался Киричук. – Прохожий вас знает?

– Как не знает. Его сын Филимон группой «ястребков» тут руководит. Вон его хата у колодца с журавлём.

– Это первый «ястребок» будет на моей памяти, – сказал Киричук. Для него сейчас многое происходило впервые. Напомнил: – Вы что-то не досказали о районном проводнике?

– О нем досказывать можно много. Я Угара лично не видел, но по отдельным материалам, по фотографии хорошо представляю. Кучерявый, глаза большие, будто удивленные, лицо глядится, девки, говорят, табуном ходили, пока он в Канаду со старшим братом не подался. Семь

лет за океаном прожил и отчего-то вернулся перед войной на родину. Английский в совершенстве знает, может прикинуться иностранцем. Стремительный, ловкий, на одном месте сидеть не любит. Первый помощник у него, ведающий безопасностью, Шмель – ядовитый бандит.

В калитке появился рыжеволосый, конопатый парень высоченного роста с двумя вооруженными «ястребками». Он широко улыбнулся, казалось, всеми своими веснушками на тугих щеках, которые будто рекламировали здоровье хозяина.

– Здравствуй, Филимон! Что нового, докладывай. Это наш товарищ, – скороговоркой обратился Тарасов.

– Здравствуйте, товарищ майор. С позавчера тихо было, а ночью на хуторе у млына двое с оглядкой прошли, Скворца в одном признали, чуете? А коли чуете, Угара на хуторах шукайте.

– Скворец – связной Угара и его телохранитель, – пояснил майор Василию Васильевичу. И к Филимону: – В село не заходили?

– Нет, не слыхать было. А на хутор я отрядил трех «ястребков», принесли весть: бандиты на полчаса заходили в хату Ганки Кули. Приглядеть за ней покрепче надо, Польку свою то за речку, то к лесу гоняет.

– Вы и приглядите, не мне ж из райцентра присматривать, – порекомендовал Тарасов и спросил: – Сколько у вас на сегодня «ястребков»?

– Шестнадцать числится.

– Это прилично.

Уголки губ Филимона поползли вверх, только неизвестно было, чему он собирается улыбаться.

– Новеньких вовлекать надо, ребята подрастают.

– Не проглядеть бы, чтобы их в банду не заарканили, и то польза… А новеньких привлекаем.

Киричук с Тарасовым направились к сельсовету. Между тем солдаты, облюбовав пригретый солнцем нежно-зеленый бугорок у церковной ограды, разбросались, сморенные усталостью: вчера до полуночи патрулировали шоссе на Львов, а сегодня чуть свет выехали к лесу за селом Смоливговом. Сержант дремотно поглядывал на лежащих, поджидая возвращения солдата, которого послал за водой. Тот появился неожиданно.

– Товарищ сержант, – тихо позвал он, – держитесь ближе к стене церкви, в ней наверху кто-то есть.

– Видели кого-нибудь?

– Что-то мелькнуло в оконце, где колокольня…

Сержант показал на землю рукой:

– Что это за газетные комки?

И не успел он досказать, как солдат живо схватил что-то скомканное в газете, развернул и, сплюнув, отбросил в сторону, возмутившись:

– Нашел чем шутить. Тьфу, гадость какая!

– Замолчи! – ухватил его за грудки сержант. – Вон еще валяются. Чьи они?

Ближе к ограде лежали еще два пришлепнутых газетных «сюрприза». Они чуть раскрылись, ударившись об землю, выдавая, что упали сверху.

– Оттуда швыряют… – добавил сержант, задрав голову. – Приспичило, а поганить церкву не могут, хотя она и не действующая. Выходить же днем наружу, видать, не хотят.

– Думаете, бандиты там? – начал понимать, в чем дело, солдат.

– Пальнут, вот и думать нечем будет. Пошли-ка скорей. – Сержант живо зашагал к отдыхающим солдатам, спокойно сказал им: – Ребята! Без паники… На колокольне враг!

Все перешли под укрытие каменной ограды. А немного погодя из-за ближайшего поповского дома показались Киричук, Тарасов и Филимон. Сержант доложил о своей находке. И вот они уже гуськом бегут к выходным воротам, взволнованные неожиданной вестью.

Едва остановившись, майор Тарасов официально обратился:

– Товарищ подполковник! Здесь мой участок, и командовать позвольте тоже мне.

И, получив разрешение, бросился к побитой паперти.

– Сержант! По одному все за мной!

Выстрелов не последовало. За считанные секунды вся нижняя часть церкви была занята.

Киричук тоже проник в заброшенное помещение с пистолетом на боевом взводе и увидел, как Тарасов напрягся весь, намереваясь преодолеть виток чугунной лестницы, чтобы выскочить на первое дощатое перекрытие. Забеспокоился, как бы там не подстрелили чекиста: весь окажется на виду. Не знал еще подполковник, что тот принимался выкуривать бандитов из четвертой по счету церкви, одна из которых оказалась действующей. И сейчас майор по известным ему приметам выбирал момент для рывка, чтобы, выскочив наверх, одним движением оказаться за изгибом лестницы, где его уже ниоткуда пуля не достигнет. И когда удалось это сделать, под куполом прогудел его властный голос:

– Тарасов приказывает: сложить оружие, выходить по одному! Минуту на размышление!

Киричук решил, что ему самое время понаблюдать за обстановкой снаружи, поэтому вышел из церкви, обошел ее, задрав голову. Но ничего подозрительного не заметил. И вдруг увидел спешащих к церкви парней с винтовками, благо, сразу различил среди них Филимона, одобрительно подумал: «Народное войско на подмогу летит».

Раздались два одиночных выстрела. Там, наверху, казалось, загудел купол.

Василий Васильевич бросился к паперти и мигом проник в церковь. Увидел, как скрылись наверху двое солдат, и сам начал подыматься по винтовой лестнице.

– Странно, будто постреляли один другого, – недоуменно сообщил Тарасов, успевший слазить наверх к звоннице и вернуться на нижнее перекрытие. – Сейчас снимут их. Пошли обратно.

Неприятное и грустное чувство испытал Василий Васильевич при виде убитых молодых парней. За что сложили головы? Кто обманул их?

– Погодь-ка! – отстранил «ястребка» и склонился над окровавленным лицом парня Филимон. – Так он же жив, веки дрожат. Товарищ майор, глянь-ко. Это же Скворец к Ганке Куле на хутор ночью вот с этим, выходит, на пару заходил. В село явились дневать.

Киричук прощупал пульс и велел осторожно перенести тяжелораненого в машину.

– Скорее в ближайшую больницу! – поторопил. – Связной Угара!

11

Привыкнув работать допоздна, Сухарь не мог заставить себя уснуть рано. Вот и сейчас, улегшись в закутке на лежанку – от кровати в переднем углу отказался, – мысленно торопил время, когда должен встретиться с подполковником Киричуком в дубках, что пониже мостка через речку.

Задолго до полуночи Антон Тимофеевич, набросив шинель, тихонько выбрался из дома, посидел на лавочке – пригляделся к кромешной темноте и, осторожно ступая, пошел по обочине дороги к шоссе, по которому ему пройти до поворота, а дальше – за кювет, под горку, к самому мосточку у речки.

Так и шел, не испытывая ни тревоги, ни страха. Подумать подумал о возможном присутствии оуновцев, но отдаленно. Оставался собранным и внимательным. Хладнокровия ему не занимать было. И все-таки, войдя в дубки, вздрогнул, услышав:

– Здравствуйте, Антон Тимофеевич!

Они опустились на землю, чувствуя друг друга рядом.

– Думал, вы еще на подходе, – признался Сухарь.

– Нетерпение у меня, да и вам, чую, не сидится. Что на селе говорят о бандитах?

Сухарь от этого вопроса чуть не засмеялся, вспомнив встречу с секретарем сельсовета, ответил:

– В каждом новом человеке мерещится оуновец. Вчера днем инструктора райкома партии приняли за бандита. Нехорошая ошибка. Напряжены люди, поперек горла им эти бандиты, мешают жить, ведь крестьяне потянулись к коллективному труду.

– В том-то и дело, – вырвалось с сожалением у Киричука. – Других новостей, вижу, нет. Приглядывайтесь, как люди живут на селе, навестите кого-нибудь из старых знакомых. Есть такие?

– Должны быть, конечно.

– Тогда больше не задерживаю. Если придется уйти, стремитесь к своему дяде леснику или постарайтесь известить его, где вы. Завтра в полночь встретимся здесь же.

Но этому не суждено было сбыться.

Еще в первый вечер, обходя село Баево, Сухарь увидел возле сельмага женщину, показавшуюся ему знакомой. У нее были русые, заплетенные в одну косу волосы, лицо овальное, прямоносое, которое немножко портила вздернутая от шрамика верхняя губа. Но и без этой бесспорной приметы Антон Тимофеевич узнал Наташу Хряк, когда-то бойкую задиристую девчонку, со старшим братом которой водился в юную пору. Вчера он понаблюдал, куда пойдет Наталия – его она не признала. Обнаружил, что ее хата под черепицей богатенько глядится на фоне осевших по соседству развалюх, которые, казалось, хотят сползти в речку.

Сегодня Сухарь с обнадеживающим удовлетворением приметил во дворе Натальиного дома здорового мужчину, в котором признал Митьку-голубятника, когда-то самого сильного из подростков в Баеве.

К ним в гости и решил наведаться около трех часов дня Антон Тимофеевич. Подоспела тетка, спросила:

– Ты к Готре?

«Готра! – вспомнил Сухарь фамилию Митьки-голубятника. – Но откуда тетка Ивга узнала, куда я собрался в гости?»

– Почему ты решила, что я к Готре?

– А то к кому же? Приходил, спрашивал о тебе. Кто-то ему сказал…

– Вот в чем дело. Выходит, я, можно сказать, приглашен.

Идти до хаты Готры было нелегко. Антону Тимофеевичу повезло: неподалеку от калитки он нагнал с ведром воды Наталью, выхватил из ее руки ношу.

– Ой, напугал! – всплеснула она руками. – Если бы Митя не сказал о тебе, подумала бы – налетел бандит.

– Что, такой уж я страшный?

– Да и они по роже не больно страшны. Ты, говорят, в плену был?

– Кто говорит?

– Ну кто-то Мите сказал.

– Был, везде я успел. Дмитрий-то дома?

– Где же ему находиться? А ты гладкий, справный.

– Ты тоже не отощала.

– Будет тебе смешить, разнесло, хочешь сказать. На воде и хлебе сижу. Говорят, с воды тоже толстеют.

– Не толстеют, а пухнут, – отшутился Сухарь. – Я косу твою увидел и, знаешь, что вспомнил?

– Что? – широко улыбнулась она.

– Бывало, в юности, когда у тебя волосы в одну косу заплетены оказывались, говорил: «Сегодня Натка опять проспала в школу».

Лицо Наталии вспыхнуло в улыбке, ей было приятно, что кто-то сохранил в памяти такую трогательную подробность из ее детства.

– Ой, Антон! – обхватила она его крепкими работящими руками за шею, поцеловала в щеку и бросилась в калитку, крикнув весело: – Сегодня я не проспала!

Набычившись, у ограды стоял Дмитрий. Крупное лицо презлющее, губы подобраны, а из глубоких глазниц сверкали два распаленных огонька. Сухарь, конечно же, понял причину такой реакции, однако приветливо вскинул руку, и Готра, спохватившись, приглашающе открыл пошире калитку:

– Заходи, Антон, гостем будешь.

Они пожали друг другу руки и в излишне крепком рукопожатии хозяина, увлекающем гостя в сторону дома, Сухарь уловил какую-то настораживающую неестественность. Уж не сцену ли ревности задумал тот устроить?

– Я заходил к тетке Ивге, тебя не застал.

– Откуда узнал, что я приехал?

– Видел, как из хаты дядьки Парамона выходил. Подумал, неужто ты?

– Что же не окликнул?

– Да как-то неожиданно все, не поверилось даже. Столько лет. И еще каких! Потом… – почему-то стушевался хозяин.

– Потом что? Договаривай, мы ведь с тобой как-никак ровня, друзья детства, – захотел основательней завязать разговор Сухарь.

– Было и сплыло «потом». Ты правда в плену был? Кормлюк рассказывал, – с недоверчивостью в голосе спросил Готра.

«Что-то он знает обо мне, – мелькнуло в сознании Сухаря. – Иначе почему бы ему подвергать сомнению мой плен?»

– Довелось.

Насмешливо скосив глаза и без слов подтверждая свое недоверие к услышанному, Готра вдруг вышел во двор. Антон Тимофеевич видел через окно, как он скрылся за дверью сарая и вскоре вышел оттуда не один, а с горбатеньким старичком, продолжая что-то наставительно говорить. Тот часто кивал плешивой головой, порываясь идти.

– За коровой на пастбище деда послал, – объяснил Готра, вернувшись.

Сидели молча, будто не зная, как продолжить разговор.

– Ты отца моего помнишь? – неожиданно и с недоброй интонацией в голосе спросил Готра.

Сухарь отрицательно покачал головой, ответил:

– Увидел бы, может, и вспомнил.

– Едва ли, не признал ты его однажды. Мой отец столкнулся с тобой разок перед самой войной, по копне вороных волос выделил среди дружков твоих, только неудобное время и место подвернулось, так он рассказывал.

– Где же это? – как можно спокойнее поинтересовался Антон Тимофеевич, бросив взгляд на увеличенную фотографию на стене, похоже, отцовскую, в красноармейской форме.

– В Самборском лесу, – произнес, как будто не сразу решившись, Готра и вопросительно уставился на гостя.

– Ну и что? – не смутился Сухарь. – Грибы перед войной я там собирал.

– Какие грибы, что придуряешься? – сердито отмахнулся Готра и спросил напрямую: – Ты сейчас-то не из леса вышел?

– Ах, вот ты о чем, – вполне удовлетворил Сухаря вопрос, и он еще подзадорил: – То было давно и неправда.

– Неправда, говоришь?! – двинулся на гостя возбужденный Готра. – Моего отца не ты тогда подстрелил? Признал он тебя среди бандитов, когда его на хутор везли.

Последние слова он произнес, когда в сенях хлопнула дверь и на пороге появился бойкого вида «ястребок» в заломленной на голове папахе и с наганом в кобуре на боку.

«Этого еще не хватало», – про себя ахнул Сухарь, враз собрав всю свою выдержку. Вон за кем он старика посылал. Надо было искать выход из создавшегося положения.

– Проверь-ка, Люлька, этого бандита, задержи, пока милиция приедет, – ухватил было Сухаря за борт пиджака Готра, но тот резко двинул локтем и отступил в угол.

Ожидая, должно быть, сопротивления, «ястребок» выхватил наган и возбужденно скомандовал:

– Стоять! Ни с места! Ощупай его, Дмитро, нет ли оружия.

Сухарь дал обыскать себя, успев понять, что это задержание, приезд милиции, которую вызвал Готра, ему ни к чему и может только навредить проникновению к оуновцам, ведь его, в конце концов, отпустят, а потом надо будет объяснять бандитам, почему милиция освободила его, простила старые грехи. Как же тут выкрутиться?

– Бандит? – спросил Люлька в упор.

– После плена к дяде родному приехал, меня тут знают.

– Мало ли кого мы знаем, кстати, и тех, кто по ночам ходит, – рассудил Люлька и решил: – Пошли! Посидишь в чулане, милиция разберется.

– Глупый ты, Дмитрий, – только и сказал Сухарь Готре, направляясь под дулом нагана к выходу.

– Ты думал, шито-крыто, а отец-то мой остался жив. – Задержал на мгновение Антона Тимофеевича торжествующий ответ. Люлька, бросив взгляд на говорившего, отвлекся. Того, что случилось в следующий миг, никто из троих не ожидал. Увидя возле своей груди наган, Сухарь ухватился за него обеими руками, рванул и с оружием, которое продолжал держать за ствол, выскочил во двор. Он сразу бросился было к калитке, но передумал и метнулся за сарай, в возбуждении легко перемахнул через плетень. Только тут оглянулся, на всякий случай для пересудов два раза пальнул из нагана в воздух и прямиком направился к подступающему лесу.

12

Для Ивана Николаевича Весника хуже наказания, чем дежурство по управлению, не было. У него на сутки останавливалась должностная работа, на которую и без того всегда недоставало времени, и он урывал его за счет сна, зачастую задерживаясь на службе.

На этот же раз помощник Киричука по оперативной работе увлекся до того, что попросил сменяющегося Кромского повременить, «как требуют того обстановка и необходимость анализа ситуации», продолжая насаживать на карту миниатюрные зеленые флажочки с обозначением кличек вожаков банд.

Эти-то флажки прежде всего и привлекли внимание Василия Васильевича Киричука, когда подполковник утром пришел на работу. Удивился:

– Банда Кушака, смотри, у Марьяновки вчера была, на границе с Львовской областью, а теперь на полсотню километров к Луцку махнула. Что это она возле Баева забыла? Банда уже ушла из Баева на юго-запад, наверное, обратно к Марьяновне. На рассвете дом нового председателя колхоза Бублы подожгли, его ранили, дочь убили.

– В Баеве?! Когда это случилось?

– Под утро. Раненого бандита захватили. Группа «ястребков» ушла преследовать банду.

– С этого и надо было доклад начинать. Я отправляюсь в Баево, – решил подполковник и, прихватив с собой майора Рожкова, через несколько минут мчался по шоссе на запад.

– До Баева у меня как раз руки-то и не доходили, – признался Рожков.

– А у меня до вас, Сергей Иванович. Будь наоборот, бандиты бы ни в Баево сегодня не сунулись, ни на председателя колхоза не напали, ни даже, возможно, ноги бы свои не унесли.

– Вероятно, Василий Васильевич. Только мне известно, что в Баеве крепкая самооборонная сила, под ружьем восемнадцать «ястребков», не считая актива и добровольцев на случай чего.

– Какая же это сила, когда убивают? – возразил Киричук.

– Бандитам большого труда не надо, чтобы подстрелить, – парировал Рожков. – За Баево я был спокоен, командир у «ястребков» там надежный хлопец, Микола Люлька его зовут.

– У меня иное мнение об этом ротозее, – со скрываемым удовлетворением возразил Киричук, осведомленный о вчерашнем происшествии с Сухарем в селе Баеве.

Микола Люлька с Кормлюком подошли к машине, когда она остановилась возле пожарища.

– Почему в селе, почему не преследуете бандитов? Или переловили всех? – напустился на Люльку Рожков.

– Упустили, – виновато ответил командир «ястребков». – Все я предусмотрел, даже ночевать остался в хате Бублы, председателя колхоза, но, оказалось, и себя, и людей подвел, подожгли они. А мои двое ребят на другом конце села патрулировали.

– Как – патрулировали? – удивился Киричук. – Так вас всех до одного перестреляют. Соображать надо! В засаде сидеть должны «ястребки».

– Да нигде они не патрулировали, – совершенно не поверил словам Люльки Рожков. – И ты, Микола, отвыкай оправдываться, когда по уши виноват.

– Мы бой держали, в бегство обратили бандитов.

– Еще бы, иначе бы они вас вверх ногами на столбах повесили или, как нынче в селе Сарпиловке, изуродовали трех «ястребков», – не стал досказывать подробности страшной новости Киричук.

Рожков предложил Люльке:

– Созови-ка в сторонке своих «ястребков» и подходящих на эту роль ребят, поговорить надо. Воспитывать на живом примере требуется, к чему приводит безответственность.

Бублу отправили в больницу. Раненого бандита под охраной тоже.

«Ястребки» оказались под рукой, Люльке не привелось бегать созывать их. И Рожков начал короткую беседу:

– Не митинговать я вас позвал, не убеждать. Совесть пристыдить. На вас люди надеются, ложась спать. А вы безответственно ставите их под удар своей бездеятельностью.

«Ястребки» притихли, прятали глаза.

Народу понемногу становилось больше, и Василий Васильевич тоже счел нужным выступить на стихийно образованном митинге, ждал, пока Рожков закончит «разгромный» инструктаж «ястребков»:

– Организованный отпор бандитам и днем, и ночью – лучшая гарантия успешной трудовой жизни. Умейте охранять себя, умейте постоять за себя и за ближнего.

– Товарищи! – вскинул руку Василий Васильевич. – Мне захотелось сказать вам несколько слов. Бандиты, как видите, злобствуют. И чем ближе их конец, тем они становятся коварнее: едят наш хлеб, плоды вашего труда, и препятствуют растить этот самый хлеб. Тифозная вошь пристраивается к вам на тело. Ей дела нет, что сеет смертельную болезнь. Мы вытравим ее, предоставим полную возможность свободного труда на пашнях, на заводах и стройках. Много у нас дел после небывалой войны. И уж коли одолели такого жестокого и сильного врага, как фашистская Германия, будьте уверены, советская власть очистит землю от явных и тайных врагов, под какой бы маской они ни скрывались.

– Вопрос можно? – вскинул руку белоголовый дядько Андрон. – Носют тут по семьямхатам, как налогом обкладывают, ну эти, что из леса, навязывают квадратные талоны с цифрой – бофоны называют, вроде заема. Мне на триста целковых этот заем угодил, плати, говорят, без разговору, а пикнешь, не дашь гроши, считай, дух из тебя вон. А с ними пока шутки плохи, сами нынче видели, последние штаны снимешь. Как вот тут быть?

– Ну коли штаны готовы снять, снимайте, пусть бандиты высекут вас, – махнул рукой Киричук. – А кто не желает, пусть борется. Уж сказано: организованный отпор – гарантия спокойной трудовой жизни. При коллективной организованности ни один бандит не сунется.

– Суются… – потише, будто для себя, произнес дядька Андрон.

– Ничего подобного, – не принял реплику Киричук. – Повторяю, там, где сообща защищают свои интересы, подальше эти места обходят бандиты. Баево в этом отношении должно быть примером. Стоящий перед нами майор Рожков окажет вам организационную помощь.

– Спасибо, растолковал, – удовлетворился Андрон. – А то ведь я думал, ты увильнешь, дескать, старайтесь не давать, то да сё. Но ты с жизненным пониманием.

– Правда ли, что снижение цен будет? – тоненько полюбопытствовала Наташа Готра.

– Это решение правительственное, мы его одинаково узнаем.

– Значит, опять мы без председателя, – донеслась реплика.

– Кто вам сказал, что без председателя? – задрал кверху остренький носик Кормлюк, выставив перед собой покалеченную руку. – Захар Иванович к вечеру вернется, велел мне передать, чтобы работы шли своим чередом – инвентарь готовили, зерно перебрали. Так и велел сказать: сплочением чтобы ответили крестьяне на его горе.

Он и сам заметил, что завернул лишнее, но по простоте душевной решил, что призыв сойдет, большого греха тут нет.

Долго еще приезжих забрасывали вопросами. А их набралось здесь, как у познающего мир ребенка.

13

Мария любила доить корову во дворе. Каждое утро, спускаясь с крыльца, она девичьим голоском протяжно звала «Хи-ив-ря-я!» и несла низкий табурет с подойником к столбу в углу двора. Надежно усаживалась и терпеливо ждала, пока неторопливый муженек ее Микола не выведет из хлева низкорослую коровенку с темными пятнами на боках, которая возле хозяйки становилась будто бы и вовсе маломерком. Говорили, нет слаще и жирнее молока, чем от коровы Марии Сорочинской. Хозяйка продавала его не всякому, а по собственному выбору.

Хивря была для бездетной Марии залогом доброго утреннего настроя, возле нее она успевала обдумать предстоящие дневные дела и мысленно помолиться за свою удачу.

Процедив молоко в бидон, она ловко, единым выплеском наполнила две кружки, отрезала от каравая ломоть хлеба и начала есть. Микола угрюмо последовал ее примеру. Для него это было обычным состоянием. Для Марии же чем-то вроде разминки к общению, которое начиналось с поручения на день, беспрекословного, как приказ:

– Займешь место на базаре – сегодня поторгую твоими свистульками. Днем сходишь подоишь Хиврю, ошейник с колокольцем сменишь, повесишь его в сенцах на гвоздь с веревками. В два часа зайдешь к Шурке-сапожнику, возьмешь починку и что передаст. Если скажет: «Гони!» – живо разыщи меня. А я пошла, – подхватила она бидон. – Чего глаза вытаращил? Слов, что ли, нет?

– Молчание – золото! – изрек Микола одними губами.

– Мне это золото в ушах проржавело. Со своими глиняшками-поделками балясничаешь, слова добрые находишь, а со мной совсем говорить перестал.

– Когда ж с тобой? Ты больно деловой стала, до рассвету начала шататься.

– Ну будет, Микола, не шуры-муры скрываю, втравил, а теперь не лезь. Мы договорились. Что же это Коськи-то долго нет? Ай не придет, самому тебе тогда Хиврю вести.

– Я здесь, тетя Маша, – стоял у порога соседский подросток Костя.

– Ну, племянничек золотой, ешь давай и веди Хиврюшку-милушку.

Мария взяла с окна приготовленный ремешок с колокольчиком и, выйдя в сени, положила в его прорезь туго сложенную записку.

Костя повел буренку на пустырь.

Микола еще оставался дома, когда Мария, взяв бидон с молоком, отправилась к своим клиентам. Не давало покоя поручение Хмурого, приказавшего ей с «доступной обрисовкой» составить мнение о прибывшем подполковнике, обозначенном прозвищем Стройный.

И тут на память Марии пришел день, когда началась ее связь с «тайными людьми», как она звала оуновцев в самом начале, впрочем, еще даже не зная, как их именуют. А случилось это послевоенной осенью, когда Микола, повредив ногу, попросил жену отнести добытую коробку с медикаментами к тому самому Шурке-сапожнику, к которому сегодня к 14 часам Мария велела сходить своему посыльному – законному муженьку. Немало воды сплыло с тех пор, как стала она связной краевого главаря ОУН, получила псевдоним Артистка. Хмурый уже счел возможным поручить ей сбор доступных сведений об одном из руководителей государственной безопасности на Волыни. Но это доверие не радовало ее, а только вселяло тревогу.

Однако стоило Марии выйти за ворота, как вся хмурость сошла с ее лица, в мгновение ожили улыбчивые губы, беспечная радость заиграла в глазах. Она шла энергично, с привлекательной гордой осанкой. Ей нравилась эта раскованность, без которой, казалось, она не могла бы прожить и дня. Снова вспомнила о чекисте, разузнать о котором ей было поручено. Теперь Артистка и сама не могла понять, почему впервые после многих тайных заданий забеспокоилась. Раньше подобного с ней не случалось. Она охотно принимала любое поручение и с легкостью, даже с воодушевлением стремилась исполнить его.

Возле табачного киоска Мария на минутку остановилась, подала монетку, взяла коробку спичек, успев при этом сообщить: «На Котовского, восемь, с вечера занято». И пошла своей дорогой.

Отсюда ей хорошо был виден дом возле магазина, где вчера поселился чекист Стройный. Во дворе Мария заметила женщину и рослую девчушку. И сразу же подумала о том, что разузнать о них сможет у жившей неподалеку своей клиентки Вари, которой носила молоко.

Мария вошла в притемненную кухню и застала Варвару у печки.

– У-у, хлебный пар какой духмяный! – восхитилась, подвигая к себе кружку и наливая в нее молока. – Дай-ка мне горбушку и наливай себе, пожуем.

– Тебе нельзя много хлеба, это мне еще не грех поправиться. – Стройная хозяйка, доставая посуду, глянула через плечо: – Цветешь ты, Маша.

– Мой мужик мне не говорил этого, – живо подхватила Мария, и в глазах ее вспыхнула искорка. – Вчера на базаре один подполковник – второй уж день прицеливается – шепнул мне на ухо: «Милушка! Если бы вы встретились мне в не такой уж отдаленной юности, я бы давно сошел с ума». А сейчас вы не сумасшедший, спрашиваю. Пока нет, говорит. Иду с рынка, а он мне, серьезный такой, вежливый, разрешите, говорит, проводить. Ты дашь мне горбушку?

– Ой ты, неужто разрешила? – торопливо спросила Варвара и, схватив горячую краюху, отломила исходившую паром горбушку, протянула гостье и опять: – Ну, разрешила, что ль?

– Кто же так, с ходу-то, – аппетитно откусила душистого хлеба и запила молоком Мария. – Говорю, нечего меня провожать.

– А он? – аж взвизгнула от нетерпения Варвара.

– Вовсе прилип. Какая вы, шепчет, необыкновенная, и голос у вас девичий. А я ему: такая уж есть. И прошлась вперед, бедром вильнула, – Мария показала, как она это сделала.

– Ой, здорово, Маша! Он, поди, ошалел?

– Он-то не знаю, а я вроде как влюбилась. Интересный мужчина, складный, глаза чистые, влюбчивые.

– Ну и давай… чего там. Не бойся.

– Да я и не боюсь, – заговорщически шепнула, склонившись к Варваре, Мария и доверительно поделилась: – Мне бы о нем поразузнать, кто он, есть ли жена и где она. Такой не должен бы бегать, работа у него – ой-ей-ей. Да вроде не трепач, но прощупать его надо, откуда сам, какой характер, что любит, а чего нет.

– Глянуть бы на него, – размечталась чувствительная Варвара. – А сколько ему лет-то? Не о старом вроде говоришь.

– Вот бы и узнать мне, сколько ему годов. За тридцать пять, думаю.

– Так он младше тебя?

– По-твоему, это плохо?

– Да нет, – повела плечами Варвара. – Плохо, когда никого нет. Тебе это не грозит.

– Он живет через два дома от тебя, вчера поселился у тетки, у которой сын утонул.

– У Степаниды? – без особого удивления уточнила Варвара. – Зайду к ней по-соседски завтра, посмотрю, поспрашиваю.

– У меня, может, нынче вечером с ним встреча, надо же знать, обнадеживать его или как.

– Узнаю все, Маша, вплоть до того, храпит ли он ночью, а то от моего мужика хоть беги.

– Ой, Варя, расчувствовалась я, заболталась. Давай-ка посуду под молоко, – заторопилась гостья. – В полшестого вечера я забегу. Побольше, понастырней мне все узнай, как для себя. Ладно?

Базар Мария любила. Здесь, можно сказать, и выросла. Без него ей чего-то не хватало. Как бы главного – ощущения присутствия всего города, где можно и на людей посмотреть, и себя показать, и услышать разные новости, узнать, чем довольны и чем расстроены горожане,

встретить нужных ей людей и самой оказаться полезной кому надо. Сейчас для Артистки это было особенно важно.

Она знала базар с детства. Бывало, чуть свет шла занять место за дощатым прилавком, куда потом являлась и мать с рассадой ли, с первой ли черешней, с молодыми малосольными огурчиками – всем тем, что давали свой огород и фруктовый сад.

Былое отцовское хозяйство было разделено между шестью сыновьями. Выйдя замуж, Мария получила от братьев денежную долю наследства, по девичьей наивности возмечтав вскорости самой разбогатеть на мужнином доходном ремесле. Ее Микола унаследовал от отца несложное производство глиняных, крытых глазурью игрушек – свистулек, о чем мать ее, бывало, говорила с почтением, похваливая будущего зятя: «Золотые руки у парня, приработок имеет, всегда лишняя копейка в доме, с ним не пропадешь, глины на его век хватит». Но не учла будущая теща ленивости зятя, который не только сам редко ходил за глиной, но и принесенную соседским мальчишкой Костей месил без охоты, да и то после тройного напоминания жены.

Микола работал грузчиком на хлебозаводе в три смены, от свистулечного промысла начал отходить, расчета не видел. Марии и самой надоело торговать «самодельным уродством», но это занятие позволяло ей в любое время торчать на рынке не с пустыми руками. Главное же дело хранилось в тайне, и каждый день поручалось новое. А сегодня – небывало новое.

После ареста в Луцке подручных краевого проводника Мария приняла меры, чтобы уберечь своих людей, кого знали арестованные и могли выдать. Всех предупредили, и они на время исчезли. За жильем скрывшихся она установила присмотр. И вот вчера вечером буренка Хивря принесла в ошейнике с колокольчиком записку, в которой сообщалось, что квартира врачихи Моргун на Котовского, дом 8, «занята».

Без труда Артистка определила, кто выдал врачиху, снабжавшую оуновцев лекарствами. О Моргун знал арестованный Дорошенко. Он сегодня должен был взять у нее приготовленную коробку и передать на рынке в два часа дня связному Ложке. Следовало думать, Дорошенко выдал эту явку, и чекисты не упустят такой возможности.

Ради этого дела и торчала на рынке Мария, держа подле себя верного посыльного Костю, совсем отбившегося от родного дома. Правда, родители его и не возражали – пусть кормится в трудную пору возле соседки, коли ей помощник нужен.

После полудня Артистка оставила мальчишку с товаром, а сама пошла по толкучке, беспечная, с веселыми смеющимися глазками, которые умели все видеть словно бы вторым зрением, сортируя встречных на людей обыкновенных, базарных и залетных, требующих к себе особого внимания. Их она накрепко примечала.

Нет, Ложка не болтался по толкучке. Не появлялся он и возле ларьков, среди овощных рядов. Не заметить его было невозможно: рослый, большеголовый, с одутловатым лицом.

Артистка занервничала. Вернувшись к неходовому товару и предупредив непоседливого Костю, чтобы никуда шагу не отходил, она заработала руками: наливала в свистульки воды, свиристела ими на все лады. И тут заметила у края толкучки чекиста в гражданском, которого видела со Стройным на улице в форме капитана и прозвала его Благим. Марии не стоялось на месте, она пыталась хоть краешком глаза уловить полупрофиль стоявшего с ним сутулого мужичонки в кепке и телогрейке, энергично размахивающего рукой, что-то предлагая на продажу.

Марии очень захотелось пробраться к ним, постоять рядом, послушать разговор. Да не решалась оставить удобный наблюдательный пост на возвышении, с которого хорошо видны входные ворота. Подозрительный человек неожиданно повернулся к ней в полный профиль – длиннолицый, широконосый, с глубокими морщинами на плоском лбу. Нет, его она видела впервые. И по привычке первого знакомства тут же дала ему прозвище Напарник. Придуманных кличек она не забывала, они проходили и в ее донесениях, шли в обращение.

Чуть было не сорвалась с места Мария, чтобы протиснуться к «объекту» своего наблюдения, как вдруг увидела в воротах грузную фигуру Ложки. Он, как верблюд, поводя головой, проплыл к ларьку с края толкучки, удаляясь от чекистов, которые топтались на месте.

– Костя! – ухватила за руку мальчишку Артистка. – Видишь вон у края ларька толстого дядьку? Армейская фуражка на башке еле держится.

– Та вижу, цигарка в зубах.

– Живо иди, передай ему вот этого однорогого козла и скажи: «Тетка велела бегом отнести. Дорошенку хоронят». Понял? Давай скорей!

И она пошла, пошла к гомонящей толпе, веселая, улыбчивая, будто увидела разжеланного человека, которого торопилась по меньшей мере обнять. Совсем рядом оказались те двое чекистов. Напарник вертел в руках часы, а Благой, видимо, приторговывал их.

«Пойте, пойте, голубчики», – во все лицо улыбалась Артистка, видя, что чекисты остались ни с чем: грузный Ложка уже скрылся. Она готова была созоровать, пойти в пляс, но тут обнаружила в руке глиняного петушка с водой, приложила его к губам и, озорно свистнув «милицейской» трелью, вдруг со смехом сунула игрушку в разинутый рот стоявшего рядом дядьки и тоненько, по-девичьи крикнула:

– Ду-ди-и! Пароход ушел!

И тут вовремя подоспел ее Микола, за руку увел на прежнее место, к товару сказав всего одно слово:

– Баламутка!

И мгновенно улетучился из Марии игривый запал. Она поправила налезшую на глаза прядь волос и спокойно спросила мужа:

– Что Шурка-сапожник?

– Ничего. За починкой велел завтра прийти в это же время.

– И все, ничего не передавал?

– Нет, завтра, сказал.

– Ну и хорошо, – зевнула Мария и распорядилась: – Ты поторгуй, Микола, а мы с Костей пойдем домой.

Отпустив мальчишку, она свернула в противоположную от дома сторону, за железнодорожное полотно к пустырю, где побрякивала колокольчиком ее ненаглядная Хивря.

Темнобокая коровенка дремотно лежала, не чуя своей хозяйки, которая устало присела невдалеке на трухлявое дерево. Было по-весеннему ярко и тепло.

После базарной суеты и минутного шутовства Марии захотелось покоя и уединения. В последнее время ее частенько влекло замкнуться, чего не случалось очень давно, можно сказать, с молодости. Но мечтать вообще женщина не умела. Ей нужна была конкретность, от которой бы она отталкивалась или к которой бы шла. И вдруг этой конкретности будто бы не стало.

Артистка чувствовала, что живет как-то не так, не туда ее заносит, но как вернуться на «круги своя», не знала. Ей до боли захотелось определенности. А где ее взять, если не может ни с кем поделиться своими сомнениями. Значит, надо молчать, смириться.

Ей вдруг захотелось петь. Она всегда пела, когда бывало тоскливо. И тут сразу взяла высоко, громко:

Приихали три козаки…

Протяжно, жалобно откликнулась Хивря, узнав по голосу хозяйку.

Расчувствовавшись, Мария бросилась к ней, с разбегу схватила за уши, хотела чмокнуть в лоб, да не успела, буренка от неожиданности метнулась в сторону, набычившись и вылупив удивленные глаза.

– Ты чего вспугнулась, дуреха моя, Хивря, – протянула к ней руку Мария, погладила между рогами. – Куда нам с тобой шарахаться? Обе мы на привязи, с петлей на шее. У меня она, поди, скорей затянется.

Артистка привычно, будто машинально, прощупала ремешок на шее коровы, огляну-лась и изъяла из тайничка складную металлическую пластинку, а из нее сложенный в полоску «грипс». Водворив пластинку обратно, спокойно развернула бумагу, прочитала: «В больницу Торчина доставлен Скворец – связной Угара. Пулевое ранение в голову. Сделана операция, живой. Под охраной безпеки. 1040».

Сложив донесение и завернув в шелковый, из парашютного полотна, платочек, Мария сунула его в привычное место, где уже лежало другое сообщение, поважнее, полученное ею утром в спичечном коробке от продавца табачного киоска.

«Застану ли Зубра? Неужели смотался после встречи со мной», – думала Артистка, рассчитывая передать с ним для Хмурого и четко выполненное поручение о подполковнике Стройном – она не сомневалась, что Варвара добудет нужные ей сведения о чекисте, – и важ-ное сообщение о расположившейся в Луцке воинской части.

С чувством исполненного долга Артистка раньше срока подходила к дому Варвары, игриво напевая: «Светит месяц…»

– О, веселая ты какая, как всегда, любо-мило с тобой, все болячки спадут, – встретила ее Варвара. – Легко живешь, Маша, завидно аж. А тут, тьфу!

Зло отставив чугунок с кашей, Варвара села на табурет, опустила руки, устало сгорбилась, уныло и как-то безучастно посмотрела на Марию, что та даже не решилась завести разговор о том, зачем пришла.

– Правда, что ли, базар теперь будет не до пяти, а до семи вечера? – удивила вопросом Варвара. – Постановление, говорят, властей есть, чтобы народ после работы мог поесть купить. Карточки вроде собираются отменить.

– Не слышала, – соврала Мария, не желая тратить время попусту, однако заметила: – Тебе-то что, дня мало? Да и бываешь ты на базаре не каждую неделю.

– А я, может, хочу, как и ты, свободней жить – на людях веселей!

– Дура ты, дура, Варвара! Базар – не цирк, какое там веселье, – и перевела разговор на нужное ей: – Ты ходила, что там мой подполковник?

Поджав губы, Варя некоторое время сидела молча. Потом поставила чугунок на шесток, повернулась к Марии.

– Верно, он там работает, в безпеке, подполковник, – заговорила она, щуря глаза, как бы припоминая. – Живет у Степаниды со вчерашнего дня, много не болтал о себе, жена у него красавица, дочка девица большая.

– Откуда известно, жена какая? Он же тут один, никого не привез, – напористо выразила сомнение Артистка.

– Степанида говорит, он с портретом жены приехал, как с иконой вошел к себе в комнату. Посуди, любит или нет.

Мария испытывающе прицелилась к Варваре, глаза ее полумигнули и догадливо раскры-лись.

– Она заподозрила, что ты влюбилась, этакую фантазию и подсунула, чтобы отшить, – поверила в свое подозрение Мария. И тут же усомнилась: – А там кто его знает, может, у военных его породы так заведено – вместо иконы. Ты давай, говори.

– Ну серьезный, обходительный, все верно. Степанида подтвердила. Чай любит. Чисто-плотный. Утром бреется, наверное, одеколонится. Не храпит.

– На кой мне черт его храп? Откуда он, зачем тут, какое настроение, не жаловался ли на что, – нетерпеливо оттараторила Мария и сбавила тон, плеснула улыбкой, мягко попросила: –

Ты, Варя, говори, говори, у меня ведь, понимай, нетерпение. Скоро на свидание, а мне уж чего-то и неохота.

– Ты и не ходи, посиди у меня. Разбередила сама себя.

Мария поднялась.

– Нет уж, пойду, провожу своего в ночную и как раз успею. Думаю, малость подождет. А когда он на работу уходит, не спросила?

– Какая разница, он же тебе не с утра, а вечером нужен. К тому же твой подполковник уехал на машине. Забежал домой и уехал. Трое еще с ним были. В гражданском. Он, видать, переодеться приезжал. Зеленая машина, военная легковушка. Не веришь, я номер специально запомнила: «ЛН 08–71».

– Он мне говорил, – медленно произнесла Мария, сдерживая восторг, – ну, что если уедет, тогда завтра, в то же время встретимся. Спасибо тебе. Пойду, а то мой проспит.

Варвара проводила ее, сдерживаясь, чтобы не расхохотаться. И все же рассмеялась, когда хлопнула наружная дверь. Считала, что здорово разыграла молочницу насчет любимой жены подполковника, потому что к Степаниде не заходила – некогда ей было. Но мельком видела, как та провожала своего постояльца. А номер машины она запомнила, сама не ведая, зачем.

14

Поспать Зубр любил. За нынешнюю крутую зиму так разбаловался, что поражал своих охранников. Одно время он, казалось, спал круглосуточно и не высовывал носа из лаза бункера. Правда, для этого была причина – болел.

Назавтра в ночь Гринько собрался идти на встречу с Хмурым. Предстояли нелегкие ночные переходы, а впереди – неизвестно еще какое устройство на «временное жительство», потому Зубр заранее набирался сил.

Он не велел Яшке будить его, в схрон не полез, а завалился, не раздеваясь, в маленькой боковушке и надрывно захрапел. Лишь к вечеру утих и с темнотой поднялся бодрый, сдержанный.

Вообще, за эти несколько дней с него сошла зимняя схронная желтизна, выглядел Зубр вполне сносно – так и отметил он про себя, глядя в зеркало. А из головы не шла предстоящая встреча с краевым проводником Хмурым, к которой он уже достаточно подготовился, чтобы выглядеть осведомленным и деятельным.

Еще вчера Яшка доставил из тайников связи «грипсы» с информацией. Да еще оставалась надежда получить свежие вести от пронырливой Артистки.

– Сова вернулся? – спросил Гринько у подвернувшейся Явдохи.

– Туточки, в низочке. Позвать?

Увидя вошедшего в боковушку Сову, Гринько аж поморщился: тот был лохматый, с помятым немытым лицом, да еще с седловидным носом – кнопочкой, над которым навис мощный лоб.

– Будь здоров, друже Зубр! – поприветствовал Сова, дернув назад плечами.

– Здоровьичка и тебе. Садись. Пил вчера?

– Не здесь же оставлять, – не подымая глаз, откровенно ответил эсбист.

– Ну смотри, – с угрозой произнес Гринько и сразу о деле: – Видел? Докладывай!

– Привел, в схроне почивает. Кра-си-вая! Муська-муха. У нее талия, как у осы.

– Ты мне прекрати кобельи замашки в докладе! По делу говори. – Зубр слышал о привлекательности чернявой врачихи и сейчас захотел ее увидеть, принять спасительное участие в ее судьбе – тридцать лет бабенке! Он и дальние виды имел на нее.

Сова подобрался.

– Привел в сохранности, не расспрашивая, это дело ваше, хозяйское.

– Ну, будет! В схрон не спускайся, полезай на горище, понаблюдай. Артистка вот-вот должна прийти, не мешай. Через два часа уйдем, понял?

Алекса всхлипнул и с кулаками набросился на Дмитра, когда тот, долговязый, наполовину влез в схрон. Но ударил слегка, а потом ухватил под мышку своего, можно сказать, единственного на белом свете дружка и засуетился, изливая:

– Бросили, думал. А куда я? Тут с ума один сойдешь. Есть будешь?

– Давай, – уселся на место Зубра в уголке Дмитро. Его снисходительное старшинство, покровительственный тон в голосе Алекса охотно принимал – без верховодства не знал куда шаг ступить.

Ради такого случая он, обрадованный, достал колбасы, припрятанный кусок рафинада, несколько уцелевших, по краям разрушившихся сухарей, машинально извлек опротивевшее изжелтевшее сало.

– Как там на людях? – поинтересовался он.

– Каких людях? Я не был на них, – ощипывая с колбасы густой белый налет, ответил Дмитро. – Тут вроде дома, привыкли с тобой. А там пошикарней, да звуки вроде не те, уши на макушку лезут.

Оба голодно чавкали.

– Куда пойдем, мне можешь сказать? – решился спросить Алекса и в оправдание любопытства добавил: – Все равно ж скоро выходить.

– Почему же не можно, сам Зубр велел сначала обговорить все в закутке, чтоб наверху, когда пойдем, ни звука, кроме сигнала для связи из угла губ, вот так, – водянисто, будто в мундштук трубы, дважды коротко прыснул Дмитро и уточнил: – Ночью далеко слышно, громко больно не надо.

– Мы что, врозь пойдем, зачем сигнал? – не понял Алекса.

– Не торопись, объясню. Пойдем ночью, проход проверим полем и лесом. Надо прощупать, нет ли постов-засад. Идти будем заходным манером: то я тебя обхожу, то ты меня. Оторвался – стой, слушай. Не уверен – звук подай. Больше пятидесяти шагов не делай. Скользи живо, как нож в масле. Не забегай и не отставай.

– Ясно, друже, Зубра поведем, – вырвалась догадка у Алексы.

– Этого я тебе не говорил и от тебя выпытывающих слов не слышал. Погоди-ка, – спохватился Дмитро. – А где длинноногий Сорока, ему Зубр велел по шее дать и гнать отсюда с темнотой. Да он смотался, вижу.

– Утек, сволочуга, одного оставил. Я ему чуть было не всадил пулю, да схрон выдавать не хотел. Прибить надо было, не нравится он мне.

Труднее занятия, чем писать письмо, а тем более составлять донесение, что иногда Артистке приходилось делать, она не знала. Писать умела, но выразить свои мысли на бумаге коротко и последовательно не могла.

И все же решила лично доложить Хмурому о выполнении его поручения. Поэтому быстро вернулась от Варвары домой, заперла дверь и села писать. До темноты времени оставалось достаточно, а раньше в доме Яшки Бибы ей появляться было нельзя.

От одной мысли, что сам Хмурый будет читать и вдумываться в содержание написанного, Артистка трижды начинала выводить слова на страничке из ученической тетради, но каждый раз бралась за новый листок: то написала без должного обращения, то не упомянула, о ком идет речь, то строка поползла вкривь. И уже в сердитом напряжении она, наконец, сносно вывела первые строки и пошла, пошла, не останавливаясь: «Друже Хмурый! Интересующий подполковник получил прозвище Стройный, прибыл неделю назад без семьи, имеет жену красивую, дочь, живет временно на квартире Степаниды на Лесной улице, 4, во дворе огород, небольшой сад, в углу уборная, возле крыльца кобель в будке. У Степаниды есть дочь, а сын утонул. Стройный с утра до ночи на работе в управлении безпеки, иногда приходит под утро…»

Артистка прервала письмо, решив, что слова «иногда приходит под утро» надо заменить, потому как чекист всего ночь провел на новой квартире, а до этого из управления почти не выходил, значит, и ночевал там. Иначе ее могут заподозрить в неточности, а это поставит под сомнение правдоподобность всего, что дает в донесениях.

И она исправила: «С утра до поздней ночи мотается по делам безпеки и сегодня в 16 ч. 40 мин. выехал с тремя своими сотрудниками в неизвестном направлении на зеленой легковушке под номером ЛН 08–71».

Артистка подумала, что бы еще написать, и добавила: «На этой машине он дважды замечен в городе. В одиночку его не видели. Внешнее впечатление от него: быстрый, взгляд тяжелый, такой не может без жестокости. Подчиненные перед ним трясутся, трое в машине ждали его, не шелохнувшись, один закурил, на него цыкнули, тот бросил папиросу. Но и за это ему досталось от Стройного. Видно, держит в напряжении своих работников, от него никому покоя не будет. Он допрашивал жен арестованных».

Поджав губы, Артистка решительно зачеркнула незаконченную подробность насчет жен арестованных, решив, что эта ее выдумка ни к чему, проверить могут. Перечитав все написан-

ное, не поленилась переписать донесение. А когда закончила, ей показалось, что совершила что-то небывалое. И сознание своей значимости вновь вернулось к ней.

Когда пришла в дом Яшки Бибы, властно сказала встретившей ее Явдохе:

– Позови Зубра, и живо!

Тот, к удивлению Артистки, сам вышел на голос.

– Рада, что могу тебя еще раз повидать.

– Я больше, чем рад. Еще бы немного, и не застала.

– Тогда давай живо о деле. Вот это передай Хмурому, что он поручил мне, – сделала она ударение на «мне», – выполнила молнией, а с этими двумя «грипсами» можешь ознакомиться.

Зубр не выдержал:

– Я знаю, что мне следует читать, а что нет. Прочту о деле без рекомендаций.

– Я рекомендую, значит, стоит познакомиться, советую, – смягчила она, – а то поленишься или не догадаешься, пользу свою упустишь. – И стала рассказывать о предательстве Дорошенко, о том, что связной Угара Скворец в больнице, как выручила врачиху Моргун и связного Ложку. Она еще не знала, что тот арестован.

Зубр обнял ее за плечи и довольно искренне похвалил:

– Труженица ты незаменимая! И за это я люблю тебя. Буду ходатайствовать о твоем поощрении.

– Слава богу! – как-то невольно вырвалось у польщенной Артистки, понявшей вдруг преждевременность возгласа.

– Я постараюсь, – выдав в некотором роде вексель, сказал Зубр и успокоил Марию сообщением: – Ты о Сороке волновалась. Жив твой родич, в Торчинскую больницу его уволокли с аппендицитом. Сова разнюхал.

– Я и не думала, чтобы ты его обидел.

– Да лишь бы не накликать твой гнев, я не знаю, что сделаю. – Достал он вдруг из кармана приготовленную коробочку в черном атласе, раскрыл и, взяв две золотые сережки с красным рубином, без слов привлек к себе Артистку и продел ей в уши подарок, сказав как-то официально: – Вручаю тебе от меня, Мария!

Все это он проделал так быстро, что Артистка не успела даже слова произнести. Пальцами потрогала сережки и вдруг сграбастала Зубра сильными руками, уткнув его носом себе в грудь, а потом заломила голову и поцеловала в губы.

– Ой, с ума сойти можно, красавица ты моя ненаглядная, – вырвался из крепких рук Артистки Зубр и, выскочив из комнаты, выдохнул: – Живи тыщу лет! Тебе надо!

Когда Мария ушла, Гринько помедлил спускаться в схрон, прошелся из угла в угол, нервно сел на лавку, сгорбился, обхватив руками голову, и несколько минут сидел так, будто бы все еще отходил от поцелуя Артистки.

Но Зубр думал уже совсем не о ней. Он никак не мог решиться взять врачиху Моргун с собой. Слишком секретный предстоял переход, где ни единого ненадежного человека быть не должно. К Хмурому путь! Нарушишь жесткие правила конспирации – поплатишься головой. Тайком провести Муху с собой невозможно. А оставлять ее у Бибы он не хотел. Желал побыстрее приблизить женщину к себе, не задумываясь о согласии – оно ему не требовалось.

Зубр вдруг резко поднялся, с решимостью пошел к лазу.

15

Над Ступинским лесом ярко взошла луна. Можно было продолжать путь. До лесничества оставалась самая малость: выйти напрямик к берегу речки и дальше вниз по течению не больше километра. Антон Тимофеевич Сухарь, низко пригибаясь, отправился скорым шагом через просеку.

Эта перебежка вдруг напомнила ему точно такой же путь в лесу, у самой границы на Львовщине, в канун войны. Тогда он тоже шел на встречу с оуновцами из-под Грубежова на польской территории. Доставил им приказ об организации вылазок и нападения на части Красной армии в случае войны. С содержанием этого приказа прежде других ознакомился Поперека, бывший в то время старшим батальонным комиссаром, заместителем начальника особого отдела 6-й армии КОВО.

Держа на всякий случай оружие наготове, Антон Тимофеевич старался неслышно скользить подошвами по мягкой травянистой земле. Треснувшая под ногой ветка вспугнула его, и он замер на полшаге, прислушался. Сквозь глухую тишину доносилось журчание воды. В этой неширокой речке он в детстве ловил раков и знал, что если возьмет чуть левее, то выйдет на лесную дорогу, а по ней прямо к дому лесника.

Волнение охватило Антона Тимофеевича, едва постучал в слабо освещенное окно.

Дядька Селиван, кряжистый, как и батько Антона, белоголовый старик встретил племянника с восторженным причитанием, засуетился у стола, не зная, чем и угостить желанного гостя, уцелевшего в жестокой войне.

– Бабка вчера к Маньке умотала, та шестого родила. Ну а ты, ты-то как? На похороны Тимоши я не попал, месяца два спустя узнал. Да и ты, слыхал, батьку не хоронил. Вот она, жизнь-то, околеешь тут под деревом, зайцы стороной обходить станут, люди не скоро сыщут.

– Да что же ты себя хоронишь, здоровый такой. Нытиком вроде не был.

– Заноешь, когда нутро дерет.

– У врача был? Что он говорит?

– А-а… – отмахнулся старик. – Садись, поешь да рассказывай. Иль с дороги поспать охота? Отоспишься в моей глуши.

Антону Тимофеевичу вовсе не хотелось спать, он достаточно отдохнул в дороге. К тому же не терпелось поговорить, рассказать «все» о себе, узнать обстановку, войти, как говорит Поперека, в атмосферу жизни.

И он поведал дяде о своей горькой судьбине, связанной с пленом, не забыв упомянуть и о происшествии в Баеве, откуда ему пришлось сбежать, отстреливаясь. Дядька Селиван вздыхал и охал, потом вышел во двор, прикрыл ставни. А вернувшись, не знал, что сказать, скорбно поглядывал на племяша.

– У меня, конечно, не найдут, – начал он осторожно. – Милиция, говорю, не доберется, что-нибудь придумаем. Но тут другая, понимаешь, на пути пень-колода. Ходют разные люди, которые скрываются в лесу, наверное, знаешь, о ком я говорю, прознают, к себе увлекут. А у них и вовсе гибельно.

– Бандиты, что ли? – не ахти какую догадку высказал Антон Тимофеевич, довольный, что все пошло как надо.

– Не вздумай при них ляпнуть «бандиты», кишки выпустят. Они заходят иногда. Да вот вчера были.

– Дядь! У тебя с ними дела какие?

– Никаких делов. Иногда прячут здесь продукты, переднюют, раненых пару раз оставляли. Возразишь, брыкнешься – башку оторвут. Что я тут один с ними в лесу? Ладить приходится. Нынче, видать, придут, днем тут один кабана в погреб на снег положил.

– Смотри, дядька, как бы тебе чекисты не накостыляли.

– И они заходят.

– Со всеми ладишь, – уже тоном упрека сорвалось у племянника.

– Лажу, – простодушно признался старший Сухарь. У него пропал интерес продолжать разговор. Предложил, беря лампу: – Пошли спать. Разберешь себе в передней.

– Спасибо, иди сам туда. Мне нынче охота на печке, забыл уж, когда валялся на ней. Вот и полушубок, кстати, постелю.

– Шел бы ты, Антон, в горницу, – просяще предложил дядька Селиван. – Вдруг явятся эти, ну из леса которые, тут сразу доглядят, давай ответ, кто да что. А туда они редко суются.

– Не беспокойся, не съедят они меня. Можешь рассказать, кто я и чего прибежал к тебе. Они с документами могут помочь. Иначе труба мне.

– То-то и оно. Беда-то какая! Ума не приложу… – запричитал дядько Селиван, ложась тут же, возле печки, на топчане, будто бы не желая оставлять племянника один на один со своей бедой.

А тот уже горевал не только за дядьку Селивана, но и за тетку Ивгу и Никифора Алексеевича, переживающих за него, «непутевого». Знал: они не проклянут его, тем мучительнее боль сжимала сердце.

Вот ведь как все складывается. И правду открыть им нельзя. В родне Антона считали башковитым, возлагали на него большие надежды.

Под утро в окно постучали сильно и требовательно. Не зажигая огня, дядька Селиван открыл дверь. В прихожку шумно ввалились трое, и по тому, как один из них зажег спичку, ловко, привычно снял стекло с лампы, подпалил фитиль, было видно: бандиты тут не впервые. Антон Тимофеевич вполглаза наблюдал за ними из-за печного полога.

– Мы ненадолго, Селиван. Принес Кривой кабана?

– Доставил, в погребе на снегу.

– Добре. Жалко, ты, старый хрыч, не умеешь колбасу делать. А тут спешить надо, напоролись мы нынче на «ястребков», как бы сюда не пришли. Уйдем, не трясись, я посты расставил.

Говоривший был среднего роста, крепкого сложения, угрюм, со скрипучим хрипловатым голосом. Он присел было у стола, пока двое других пошли за тушкой борова, как вдруг заметил выглядывающую из-за печного полога черноволосую голову. Живо подошел к спящему, оглядел.

– Кто это?!

– Свой, племяш, сын моего брата. Дурак, чего-то натворил в Баеве, схватили его, а он обезоружил «ястребка» и убежал со стрельбой, может, говорит, и убил кого.

– Куда же он метит? Тут ему ни к чему отираться, завалит наш постой. Разбуди-ка!

– Хочу вечером отправить. Забота еще мне, пень-колода.

– Так куда же он метит?

– К дочери моей в Тернополь, к Маньке, там и старуха моя. Переждет.

– Поймают в городе. Как кликать-то его? Буди давай!

– Антон. Сухарь Антон.

Племянник сделал вид, что только проснулся, ничего не понимая, вяло спустился с печки.

– Милиция пришла! – скрипуче выкрикнул бандит и подскочил на лавке. – Тюкну сейчас гирькой по башке, мигом зенки раскроешь.

– Чего надо? – спросил Антон Тимофеевич и к дядьке: – У тебя там похмелиться не найдется?

Лесник вытаращил на него глаза, зато сразу же откликнулся верховодящий бандит, заговорил с ухмылкой:

– Дак он с похмелья, паразит! Ничто не мило ему, и тюрьма не страшна. – Он достал фляжку и плеснул в кружку самогонки. – Хватани, герой, ты заслужил.

«Дернуло с языком, напоролся», – клял себя чекист, изображая удовольствие от выпитого. А потом пришлось рассказать все, что произошло в Баеве.

– А попал хоть ему в башку-то, «ястребку»? – уточнял бандит.

– Мне бежать надо было, а не разглядывать.

– Жаль, если не попал. Давай знакомиться. Кузьма Кушак, а это мои хлопцы, – кивнул он на вошедших.

– Меня – Антон, фамилия Сухарь.

– Псевдо успеешь себе придумать, если возьмем к себе. Собирайся живо, нельзя тебе в Тернополь.

– Мне и тут хорошо.

– Собирайся, говорю, пойдешь с нами. Сюда НКВД вот-вот может налететь. А ты уже в розыске, хоть обрейся и нос набок свороти – найдут.

Не в правилах Зубра было возвращаться в схрон, из которого ушел, тем более с опасением, как бы не накрыли. Но делать нечего, пришлось ночью свернуть с маршрута, чтобы укрыть Муху. Вконец застращал ее Зубр чекистами и тюрьмой.

Прощался с ней в схроне с покровительственным поцелуем в лоб, наставляя:

– Неделю потерпи одна, пришлю за тобой, с комфортом заживешь. Тут и еда, и покой. Не вздумай уйти… Не вздумай!

По лесу группа отправилась напрямик в сторону Боголюб: впереди Дмитро, за ним через сотню шагов Сова, постоянно сходясь и расходясь, сверяя направление. А уж за ними в некотором отдалении шел надрайонный проводник Зубр со своим телохранителем Алексой.

Лесистые холмы подсказали, что вышли южнее села Смолигова. Прилично отмахали на одном дыхании – больше двадцати километров, присели накоротке. И только тут успел пожалеть Гринько, что не оставил Муху в Смолигове у рябого Помирчего. При этом Зубр както даже и не вспомнил о главном препятствии, которое не позволяло устраивать у Помирчего разыскиваемую женщину; в просторном схроне под домом находилось пропагандистское гнездо.

До рассвета оставалось около двух часов, можно еще успеть преодолеть огромное поле и проникнуть в Боголюбский лес. Дмитру с Алексой и в непроглядную темень здесь, на кочковатой полянке, все было знакомо на ощупь – в пятнадцати метрах под березой находился лаз в схрон, в котором они жили с Зубром в начале ушедшей зимы.

Без труда выйдя к березе, Дмитро сразу наткнулся на присыпанную землей ляду. Из-под корня ствола извлек металлическую коробку, в которой лежал скрученный «грипс».

Укрывшись пиджаком и включив фонарик, Зубр прочитал предназначенное ему и подписанное Рысью – эсбистом краевого проводника – короткое предписание.

В «грипсе» указывалось, чтобы друже Зубр приказал своим спутникам укрыться в бункере возле горелой поляны, сдал им оружие и отправился на запад. Пройдя полтысячи шагов, он должен остановиться и подавать условные сигналы. О селе Боголюбы в «грипсе» не было ни слова.

«Что это может значить?! – забеспокоился Зубр. – Служба безопасности… Она с добром никогда не вмешивается. Не удавкой ли тут пахнет?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.